

Детективные истории

Автор:
Мария Марцева

Тайна
выпускного
1989 года

Дело №18

✓ Мотив

✓ Улики

✓ Возбуждаемые

Мария Марцева

**Детективные истории.
Тайна выпускного 1989 года**

«Автор»

2026

Марцева М.

Детективные истории. Тайна выпускного 1989 года /
М. Марцева — «Автор», 2026

Старая учительница Регина Подберезкина решает собрать своих первых выпускников — класс 1989 года — спустя тридцать лет. Казалось бы, что может быть трогательнее тёплой встречи? Но один из бывших учеников, тихий и незаметный Святогор Чубайцев, обещавший рассказать всем «что-то важное», погибает накануне торжества. А при одном упоминании его имени солидные, состоявшиеся люди бледнеют и отводят глаза. Что произошло в школьном спортзале промозглым февральским вечером 1989 года? Куда исчезла дочь школьного завхоза? И почему за давнее преступление поплатился невиновный? Регина, верная своей учительской привычке докапываться до сути, начинает собственное расследование — поднимает пыльные архивы, разговаривает с перепуганными свидетелями и шаг за шагом приближается к тайне, которую кое-кто хотел бы похоронить навсегда. Уютный детектив в духе лучших традиций жанра — с обаятельной сыщицей-любительницей.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Свадьба в чёрных тонах	6
Глава 1. Невеста сбежала	6
Глава 2. Жених в недоумении	10
Глава 3. Подружки невесты знают	14
Глава 4. Дача в Тверской области	18
Глава 5. Свадебный торт правосудия	21
Аромат старого парфюма	24
Глава 1. Флакон с историей	24
Глава 2. Видение или память?	28
Глава 3. Историк парфюмерии	32
Глава 4. Внук жертвы	36
Глава 5. Лаборатория правды	40
Кулон с двойным дном	44
Глава 1. Подарок от пациента	44
Глава 2. Пациент исчез	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мария Марцева
Детективные истории.
Тайна выпускного 1989 года
Детективные истории. Тайна выпускного 1989 года

Свадьба в чёрных тонах

Глава 1. Невеста сбежала

Утро того злосчастливого дня началось у меня, Аделины Чешуйкиной, как и положено профессиональному свадебному распорядителю — в шесть утра, с чашкой кофе размером с ведро и списком дел длиной с китайскую стену.

Свадьба в загородном отеле «Лебединое озеро» обещала стать жемчужиной моего сезона. Заказчики не поскупились: розы из Эквадора, фарфоровые тарелки с золотой каёмочкой, оркестр из консерватории и торт в пять ярусов, при виде которого у любого диабетика немедленно поднимался сахар. Мне платили такие деньги, что я уже мысленно ремонтировала кухню в своей хрущёвке и покупала новую путёвку для мамы в санаторий.

— Аделиночка, голубушка, всё ли готово? — суетился вокруг меня администратор отеля, кругленький мужчина по фамилии Бубликов, фамилия которого идеально соответствовала его комплекции.

— Готово, Семён Петрович, готово, — отмахнулась я, проверяя по планшету расстановку столов. — Невесту причесали?

— Парикмахер вышел от неё полчасика назад. Сказал, красавица — глаз не оторвать.

И правда, невеста была хороша. Юстина Перепеличко — высокая, статная, с роскошными каштановыми волосами и глазами цвета крепкого чая. Двадцать шесть лет, приехала в Москву из какого-то провинциального городка, познакомилась с женихом, и вот — свадьба. Классическая история про Золушку, нашедшую своего принца.

Принц, правда, был так себе. Жених, программист по имени Нестор Камышин, производил впечатление человека, который последний раз видел солнечный свет года три назад. Бледный, сутулый, с вечно бегающими глазками и привычкой теревить край пиджака. Но кто я такая, чтобы судить о чужой любви? Моё дело — организовать праздник, а не оценивать качество жениха.

Я взглянула на часы. До церемонии оставалось ровно сорок минут. Гости начали съезжаться: дамы в шляпках, мужчины в костюмах, дети, которых уже хотелось куда-нибудь спрятать до конца торжества. Я отметила, что со стороны жениха гостей было совсем немного, зато среди них выделялся один колоритный персонаж — крупный мужчина лет пятидесяти с бритой головой и золотой цепью на шее толщиной с корабельный канат.

— Это кто? — шёпотом спросила я у одной из подружек невесты, миловидной блондинки по имени Виолетта.

— А, это дядя Эрик, — почему-то нервно ответила девушка и быстро отошла в сторону.

Странно, подумала я, но тут же выбросила это из головы. У меня было слишком много дел, чтобы размышлять о родственниках.

Я решила в последний раз заглянуть к невесте — проверить, не нужна ли ей помощь, успокоить, если волнуется. Поднялась на третий этаж, в номер-люкс с табличкой «Для новобрачных», и деликатно постучала.

Тишина.

— Юстина? — позвала я. — Это Аделина. Можно войти?

Снова тишина. Я постучала громче. Ничего. По спине пробежал неприятный холодок. У меня за пятнадцать лет работы выработалось особое чутьё на неприятности — этакий внутренний барометр, который сейчас стремительно падал к отметке «буря».

Я толкнула дверь. Она оказалась незапертой.

Номер был пуст.

На широкой кровати, застеленной белоснежным покрывалом, лежала свадебная фата — невесомое облако тончайшего тюля, расшитого мелким жемчугом. А рядом с ней — листок бумаги. Я подошла, чувствуя, как сердце ухает куда-то в район желудка, и прочитала написанные торопливым почерком слова:

«Простите все».

Без запятой, без точки, без подписи. Просто два слова, от которых меня прошиб холодный пот.

— Мать честная, — пробормотала я, оглядываясь по сторонам. — Юстина! Юстина, вы где?

Я заглянула в ванную — пусто. Распахнула шкаф — там висело только повседневное платье невесты, в котором она приехала. Свадебное платье исчезло. Окно было закрыто, но не заперто. Я выглянула наружу — третий этаж, под окном клумба с петуниями, никаких следов. Не могла же она спрыгнуть?

В голове закрутились мысли, одна страшнее другой. Невеста сбежала прямо перед свадьбой! Это катастрофа. Это конец моей репутации. Это та самая буря, которую предсказывал мой внутренний барометр.

Я схватилась за телефон, чтобы позвонить Бубликову, но в этот момент в коридоре раздались шаги, и в номер заглянул жених.

— Аделина? А где Юстина? — Нестор обвёл взглядом пустую комнату, и его бледное лицо стало ещё блее. — Что это значит?

Я молча протянула ему записку. Он прочитал, и его губы задрожали.

— Сбежала? — прошептал он. — Не может быть. Мы же... мы же любим друг друга.

Казалось бы, искреннее горе. Мужчина узнаёт, что невеста бросила его прямо у алтаря. Но я, профессионал с пятнадцатилетним стажем, привыкла подмечать детали. И заметила одну странность: вместо того чтобы рвать на себе волосы или бежать искать любимую, Нестор первым делом вытащил из кармана телефон и принялся лихорадочно что-то проверять. Пальцы порхали по экрану, на лбу выступила испарина.

— Нестор, — осторожно спросила я, — может, вызвать полицию? Вдруг с Юстиной что-то случилось?

— Полицию? — он вздрогнул, как от удара током. — Нет-нет, не надо полицию. Она же сама написала... сама ушла. Зачем нам скандал?

Это было ещё страннее. Любой нормальный жених на его месте перевернул бы небо и землю, поднял на ноги всех родственников, друзей, спасателей и собак-ищек. А этот трясся над телефоном и боялся полиции, как чёрт ладана.

— Простите, а что вы там всё проверяете? — не выдержала я.

Нестор торопливо сунул телефон в карман.

— Так, ничего. Рабочая почта. Я же программист, у меня там... сервер упал.

Сервер у него упал, как же. Я мысленно усмехнулась. За пятнадцать лет работы я научилась распознавать враньё с трёх шагов. А этот молодой человек врал так неумело, что мне стало почти жаль его.

— Знаете, что, — сказала я, расправляя плечи. — Я отвечаю за эту свадьбу. И за невесту в том числе. Если с девушкой что-то случилось, я этого так не оставлю.

— Да ничего с ней не случилось! — раздражённо бросил Нестор и вышел из номера, хлопнув дверью.

Я осталась одна в пустой комнате, держа в руках невесомую фату. Что-то здесь было нечисто. Невеста не просто сбежала — она сбежала в свадебном платье, оставив повседневную одежду. Жених боится полиции и одержим своим телефоном. А ещё этот загадочный «дядя Эрик» с золотой цепью, при упоминании которого подружка невесты занервничала.

Я подошла к окну и снова выглянула наружу. Со стороны парковки как раз отъезжала жёлтая «Лада» с шашечками такси. Я инстинктивно проводила её взглядом, и тут моё чутьё снова заговорило: а ведь номер-люкс находится прямо над служебным выходом отеля. Если выйти не через парадные двери, где толпились гости, а через чёрный ход...

— Аделиночка! — в номер влетел запыхавшийся Бубликов. — Гости волнуются! Церемония через двадцать минут! Где невеста?

— Семён Петрович, — я постаралась говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — У нас небольшая проблема. Невеста... временно отсутствует.

— Как отсутствует?! — Бубликов схватился за сердце. — Это же позор! Это же убытки! Это же...

— Тихо, — оборвала я его. — Никакой паники. Объявите гостям, что церемония задерживается по техническим причинам. Накройте пока стол с закусками, займите их шампанским. А я разберусь.

Бубликов, причитая, удалился. А я, спрятав записку в сумочку, вышла из номера и направилась к служебной лестнице. Спустилась на первый этаж и оказалась у чёрного хода, рядом с которым курил молоденький официант.

— Простите, — обратилась я к нему, — вы давно тут стоите?

— Минут двадцать, — пожал плечами тот.

— А не видели, отсюда никто не выходил? Девушка, например? В белом платье?

Официант почесал затылок.

— Была одна. Минут пятнадцать назад. Только не в белом, а в плаще таком, бежевом. Но платье из-под плаща торчало, длинное, белое. Я ещё подумал — странно. Села в такси и уехала. Сердце моё забилося чаще.

— А вы случайно не запомнили, что за такси?

— Жёлтое. Обычное. — Официант задумался. — О, погодите. Я даже название компании заметил, «Быстрый ёж» называется. У них логотип смешной, ёжик на колёсиках.

«Быстрый ёж». Я мысленно поблагодарила небеса за наблюдательного официанта и щедро отблагодарила его пятисотрублёвой купюрой.

Итак, картина начинала проясняться. Юстина не была похищена — она ушла сама, добровольно, переодевшись в плащ поверх свадебного платья. Но почему? Что заставило красивую, влюблённую девушку бросить жениха и сбежать в день собственной свадьбы? И при чём здесь нервный программист со своим телефоном и загадочный дядя Эрик?

Я вернулась в холл отеля, где уже вовсю шумели гости. Шампанское лилось рекой, дамы перешёптывались, кто-то уже отпускал шуточки про сбежавшую невесту. И тут я заметила то, от чего у меня окончательно похолодело внутри: дяди Эрика с золотой цепью нигде не было. Он тоже исчез.

Я поймала за локоть Виолетту, ту самую подружку невесты.

— Виолетта, скажите честно, — я заглянула ей в глаза. — Кто такой этот дядя Эрик? И почему вы так испугались, когда я о нём спросила?

Девушка побледнела и попыталась вырваться, но я держала крепко.

— Я... я не могу, — пролепетала она. — Юстина просила молчать.

— Юстина пропала, — отчеканила я. — И, если вы хотите ей помочь, говорите немедленно. Где она? От кого бежит?

Виолетта затравленно оглянулась по сторонам, словно боялась, что нас подслушивают.

— Не здесь, — прошептала она. — Пойдёмте куда-нибудь, где нет лишних ушей.

Мы вышли в безлюдный коридор у гардероба. Девушка нервно теребила сумочку.

— Юстина боялась этого дядю Эрика, — наконец выдавила она. — Очень боялась. Он из нашего родного города. Страшный человек. И когда я увидела его сегодня здесь, среди гостей

жениха, я сразу поняла — что-то не так. Откуда Нестор знает дядю Эрика? Они же из разных миров!

— А чем этот Эрик занимается? — насторожилась я.

Виолетта понизила голос до едва слышного шёпота:

— Говорят... говорят, он людьми торгует. Девушками. Увозит их куда-то и...

Договорить она не успела. В коридор заглянул Бубликов и замахал руками:

— Аделина! Жених уезжает! Сел в машину и куда-то рванул!

Я выглянула в окно. Действительно, серый седан Нестора выруливал с парковки и набирал скорость, направляясь в сторону трассы. А ведь минуту назад жених уверял, что с невестой всё в порядке, и категорически отказывался от помощи полиции.

Что-то здесь было очень и очень нечисто. И я, Аделина Чешуйкина, свадебный распорядитель с пятнадцатилетним стажем и неуёмным любопытством, твёрдо решила докопаться до правды. Хотя бы потому, что на кону стояла не только моя репутация, но, возможно, и жизнь несчастной девушки.

Я достала телефон и набрала номер диспетчерской службы такси «Быстрый ёж».

— Алло? Здравствуйте. Мне нужна информация об одной поездке...

Так начиналось дело, которое перевернуло всю мою жизнь. И, забегаю вперёд, скажу: я даже представить не могла, в какую историю влезла, потянув за ниточку сбежавшей невесты в свадебном платье.

Глава 2. Жених в недоумении

— Алло? Служба такси «Быстрый ёж» слушает, — раздался в трубке сонный женский голос.

— Здравствуйте, — затараторила я, лихорадочно соображая, как выудить нужную информацию. — Меня зовут Аделина Чешуйкина. У вас минут двадцать назад был заказ от отеля «Лебединое озеро». Девушка в белом платье. Понимаете, она моя сестра, и она забыла дома лекарства, а у неё сердце, и я ужасно за неё беспокоюсь...

Враньё лилось из меня гладко и убедительно — за пятнадцать лет работы со скандальными невестами, нервными свекровями и пьяными тамадами я научилась импровизировать не хуже народной артистки.

— Девушка, мы не имеем права разглашать данные о клиентах, — отрезала диспетчер.

— Конечно-конечно, я всё понимаю, — не сдавалась я. — Но войдите в положение! Человек может умереть! Скажите хотя бы, в каком направлении она поехала. Умоляю!

В трубке повисла пауза. Видимо, моё актёрское мастерство дало трещину в нужном месте, потому что диспетчер вздохнула:

— Ладно. Заказ был межгородской. В Тверскую область. Водитель ещё ворчал, что далеко.

— В Тверскую область?! — я чуть не выронила телефон. — А точный адрес?

— Вот этого уже не скажу. Всё, до свидания.

Короткие гудки. Но мне и этого было достаточно. Тверская область — уже зацепка. А чек! У водителя такси наверняка останется чек с маршрутом, а у компании — данные о поездке в системе. Нужно будет вытрясти их любой ценой.

Я спрятала телефон и задумалась. В голове крутился целый вихрь вопросов. Почему Юстина поехала именно в Тверскую область, в безлюдную глушь? От кого она бежала — от жениха или от страшного дяди Эрика? И почему оба этих господина так подозрительно засуетились и разъехались сразу после её исчезновения?

Я решила вернуться к гостям и понаблюдать. Опытный распорядитель знает: самое интересное на свадьбе происходит не у алтаря, а в тёмных углах, где люди думают, что их никто не видит.

В банкетном зале царила атмосфера лёгкого недоумения. Гости, накачанные шампанским, по моему же распоряжению, уже не столько волновались, сколько веселились. Какой-то полный мужчина в малиновом пиджаке громко рассказывал анекдот, дамы хихикали, дети носились между столами с украденными канapé. Оркестр из консерватории, не зная, что делать, на всякий случай играл что-то нейтрально-классическое.

Я подошла к Бубликову, который промокал платочком взмокший лоб.

— Семён Петрович, а вы видели, куда поехал жених?

— Так на трассу же, в сторону области, — развёл руками администратор. — Сел в свой серый «Фольксваген» и умчался, даже дверью не хлопнул толком. Аделиночка, что нам делать-то? Гости же скоро протрезвеют и начнут вопросы задавать!

— Тяните время, — велела я. — Объявите конкурсы. Пригласите всех на фуршет. Скажите, что молодожёны готовят сюрприз.

— Какой сюрприз, если их обоих нет?!

— Импровизируйте, голубчик. Импровизируйте.

Оставив несчастного Бубликова наедине с его нервами, я отправилась в гардероб, где, как мне подсказала память, висели верхние вещи гостей. Если дядя Эрик уехал, его пальто должно отсутствовать. Это бы подтвердило мою догадку. Но в гардеробе меня ждал сюрприз:

пожилая гардеробщица, дремавшая над кроссвордом, сообщила, что лысый мужчина с золотой цепью пальто вообще не сдавал.

— Такие, как он, голубушка, вещей не сдают, — мудро заметила старушка. — Они всегда готовы быстро уйти. Сразу видно — человек беспокойный.

Беспокойный, надо же. Я мысленно отметила эту деталь и направилась обратно. И вот тут произошло то, чего я совсем не ожидала: на парковке снова появился серый «Фольксваген». Нестор вернулся!

Жених вылез из машины с растерянным видом. Лицо его было ещё бледнее прежнего, волосы растрёпаны, галстук съехал набок. Он озирался по сторонам, словно потерянный ребёнок в супермаркете. Я поспешила ему навстречу.

— Нестор! Вы вернулись? А я думала, вы поехали искать Юстину.

— Я... да... искал, — забормотал он, отводя глаза. — Не нашёл. Решил вернуться. Вдруг она здесь объявится.

Лгал. Снова лгал. Я была уверена, что он ездил совсем не Юстину искать. Но куда? И зачем вернулся?

— Послушайте, — я подошла ближе и заговорила доверительным тоном, каким обычно успокаиваю рыдающих невест перед выходом к гостям. — Я понимаю, вам сейчас тяжело. Давайте присядем, выпьем по чашечке чая, и вы мне всё расскажете. Может, я смогу помочь.

Нестор замаялся, но кивнул. Мы устроились в небольшой беседке в саду отеля, подальше от любопытных глаз. Я заказала проходившему мимо официанту чай, а сама исподтишка наблюдала за женихом. И заметила вот что: пока мы сидели, Нестор раз пять достал телефон. Но не звонил и не писал сообщений. Он открывал какое-то приложение, смотрел на экран несколько секунд, мрачнел и снова прятал телефон в карман.

— Нестор, — не выдержала я в шестой раз, — что вы там всё проверяете? Опять сервер упал?

Он вздрогнул и неловко улыбнулся.

— Да нет... это... банковское приложение. Жду один перевод. Важный.

Банковский перевод. В день собственной свадьбы, когда невеста сбежала, жених озабочен не поисками любимой, а каким-то денежным переводом. Чем дальше, тем интереснее.

— Большой перевод? — невинно поинтересовалась я, прихлёбывая чай.

— Очень, — вырвалось у Нестора, и он тут же осёкся, поняв, что сболтнул лишнее. — То есть... ну, не то, чтобы... Это рабочее. Вам неинтересно.

— Отчего же, очень интересно, — улыбнулась я. — А этот ваш гость, дядя Эрик, он откуда взялся? Виолетта говорит, он из родного города Юстины. Странно, что он среди ваших гостей оказался.

Реакция Нестора превзошла все мои ожидания. Чашка в его руке дрогнула, чай выплеснулся на белоснежную скатерть, расплываясь уродливым коричневым пятном.

— Эрик... Эрик Германович — мой деловой партнёр, — выдавил жених, и голос его заметно подсел. — Просто... совпадение, что он знаком с Юстиной. Бывает.

— Деловой партнёр? — переспросила я. — А я думала, вы программист. С каких пор у программистов такие колоритные партнёры?

— Я... мы с ним... инвестиционный проект, — путался Нестор всё больше. — Криптовалюта. Он вкладывает деньги, я пишу код. Обычное дело.

Криптовалюта, инвестиции, важный денежный перевод и торговец людьми в качестве делового партнёра. Картинка складывалась, и складывалась она в нечто очень неприглядное. Я почувствовала, как внутри всё похолодело. А что, если Юстина была не невестой, а... товаром? Что, если эта свадьба вообще была прикрытием для чего-то страшного?

Но я взяла себя в руки и продолжала играть роль сочувствующей помощницы.

— Знаете, Нестор, — сказала я мягко, — а ведь Юстина оставила записку. «Простите все». Как вы думаете, у кого она просила прощения? У вас? У гостей? Или, может, у кого-то ещё?

Жених молчал, уставившись на чайное пятно. Его губы дрожали, и мне на секунду стало почти жаль этого жалкого, запутавшегося человека. Но только на секунду.

— Я не знаю, — наконец прошептал он. — Я ничего не знаю. Простите, мне надо... мне надо позвонить.

Он вскочил, чуть не опрокинув стол, и отбежал в дальний угол сада. Я видела, как он набирает номер, прижимает телефон к уху и что-то горячо, нервно говорит, размахивая свободной рукой. Разговор длился недолго — секунд тридцать. Потом Нестор опустил руку с телефоном, и плечи его обмякли, словно из него выпустили воздух.

Я не могла упустить такой момент. Бесшумно поднявшись, я подкралась поближе, прячась за раскидистым кустом сирени. Нестор стоял ко мне спиной и не заметил моего манёвра. Он снова поднёс телефон к уху — видимо, перезвонили ему — и заговорил уже тише, но я успела расслышать обрывки фраз.

— ...я же говорю, она сбежала... Эрик Германович, я тут ни при чём!.. Деньги? Какие деньги, если товара нет?... Нет, не звоните мне больше сюда, тут люди!..

«Товара нет». От этих слов у меня по спине пробежал холодок размером с горную лавину. Значит, мои худшие подозрения подтверждались. Юстина действительно была для них «товаром». А свадьба — фарсом, спектаклем, разыгранным с одной целью: заманить доверчивую красавицу в ловушку.

Я тихонько попятилась обратно к беседке, села на скамейку и постаралась придать лицу безмятежное выражение. Сердце колотилось как сумасшедшее. Теперь я знала точно: нужно срочно найти Юстину, пока с ней не случилось беды. И ещё нужно было решить — звонить в полицию сейчас или сначала самой разобраться, что к чему.

Я выбрала второй вариант. Не потому, что не доверяла полиции, а потому, что у меня не было ни единого доказательства. Только подслушанные обрывки разговора, нервный жених да исчезнувший гость с золотой цепью. С такими «уликами» меня бы в участке подняли на смех. Нет, сначала я найду девушку, а уж потом подниму на ноги всех, кого только можно.

Нестор вернулся к беседке, пряча телефон. Лицо его было серым, как осеннее небо.

— Аделина, — сказал он глухо, — я, пожалуй, поеду. Толку от меня тут всё равно никакого. Передайте гостям... ну, что свадьба отменяется. Заплачу за всё, не беспокойтесь.

— Конечно, Нестор, — кивнула я с притворным сочувствием. — Поезжайте, отдохните. А я тут всё улажу.

Он благодарно кивнул и поплёлся к своему «Фольксвагену». Я проводила его взглядом, дождалась, пока серая машина скроется за поворотом, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Итак, у меня было два направления для поисков. Первое — такси «Быстрый ёж» и чек с маршрутом до Тверской области. Второе — подружки невесты, которые наверняка знали о Юстине куда больше, чем рассказали. Виолетта успела обмолвиться про дядю Эрика, но явно недоговаривала. А ведь были ещё две подружки.

Я решительно поднялась со скамейки, оправила платье и направилась обратно в банкетный зал. План созрел: сначала встрясу всё из подружек, потом доберусь до чека из такси — и вперёд, на спасение невесты. Я, Аделина Чешуйкина, ещё никогда не бросала свадьбу на полпути. Не брошу и эту, даже если жених окажется преступником, а невеста — пленницей.

В зале гости уже вовсю отплясывали под музыку. Бубликов, бледный и взмокший, метался между столами, пытаясь поддержать иллюзию праздника. Увидев меня, он бросился навстречу с лицом утопающего, заметившего спасательный круг.

— Аделиночка! Ну как? Что делать-то?

— Семён Петрович, — твёрдо сказала я, оглядывая зал в поисках светлой головки Виолетты, — праздник продолжается. А я пока займусь одним маленьким расследованием.

Глава 3. Подружки невесты знают

Виолетту я обнаружила в дальнем углу банкетного зала, где она нервно теребила бокал с шампанским, к которому, судя по всему, так и не притронулась. Рядом с ней пристроились ещё две девушки — обе в одинаковых лиловых платьях, какие обычно надевают подружки невесты по велению капризной заказчицы.

— Девушки, — я под села к ним с самой приветливой улыбкой, на какую была способна, — давайте знакомиться. Я Аделина, распорядитель этой свадьбы. И, кажется, единственный человек, который по-настоящему переживает за Юстину.

Подружки переглянулись. Одна из них, кудрявая брюнетка с курносый носиком, представилась Снежаной, а вторая, рыженькая и веснушчатая, — Богданой.

— Аделина Сергеевна, — начала Снежана, понизив голос, — а это правда, что Юстина сбежала?

— Правда, — кивнула я. — И мне нужна ваша помощь, чтобы её найти. Потому что, боюсь, ей угрожает серьёзная опасность.

Богдана ахнула и прижала ладошки к щекам. Виолетта побледнела ещё сильнее, хотя, казалось бы, куда уж бледнее.

— Расскажите мне всё, что знаете, — продолжала я, оглядываясь, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. Гости были заняты танцами и шампанским, а Бубликов героически развлекал толпу, объявляя конкурс на лучший тост. — Кто такой этот дядя Эрик? И как Юстина вообще познакомилась с Нестором?

Девушки снова переглянулись, словно решая, кто будет говорить первой. Наконец Снежана набралась смелости.

— Мы все из одного города, — начала она. — Из Берёзовска, это под Тверью. Маленький такой городок, все друг друга знают. Юстина выросла там, в обычной семье. Отец на заводе работал, мать — медсестрой в поликлинике. А этот Эрик Германович... его все боялись. Он держал в городе чуть ли не всё — рынок, автостоянки, ночной клуб. Поговаривали, что он и людьми приторговывает, девушек куда-то отправляет, будто бы на работу за границу, а на самом деле...

Она запнулась, не в силах договорить.

— На самом деле — в рабство, — закончила за неё Богдана дрожащим голосом. — Несколько девчонок из нашего города пропали. Уехали якобы официантками работать в Турцию или там моделями в Эмираты — и с концами. Ни слуху ни духу.

Я почувствовала, как по спине снова пробежал знакомый холодок. Значит, слухи про дядю Эрика не были пустой болтовнёй. Этот лощёный господин с золотой цепью действительно занимался страшным делом.

— А Юстина? — спросила я. — Она тоже была у него на примете?

Виолетта наконец подала голос. Говорила она тихо, почти шёпотом, и постоянно оглядывалась.

— Юстина однажды стала свидетельницей кое-чего, — выдавила она. — Год назад. Она работала официанткой в том самом клубе, что принадлежал Эрику. И как-то вечером случайно увидела, как в подсобке... как там держали запертой девушку. Связанную. Юстина хотела вызвать полицию, но люди Эрика её застукали. Пригрозили, что, если она пикнет — убьют и её, и всю её семью. Она страшно перепугалась. Бросила работу, заняла денег и сбежала в Москву. Думала, что там, в большом городе, затеряется и про неё забудут.

— И как она познакомилась с Нестором? — насторожилась я, чувствуя, что подбираюсь к самому главному.

— В интернете, — ответила Снежана. — На сайте знакомств. Нестор написал ей первый. Такой весь обходительный, внимательный, дарил цветы, водил по ресторанам. Юстина была на седьмом небе от счастья. Говорила нам: наконец-то встретила нормального мужчину, который её любит и защитит. А через три месяца он сделал ей предложение. Мы все так радовались за неё...

— А вы не находите странным, — медленно проговорила я, складывая в голове кусочки головоломки, — что мужчина из Москвы вдруг написал именно девушке из Берёзовска? Города, где всем заправляет тот самый дядя Эрик? И что на свадьбе этот дядя Эрик оказался гостем со стороны жениха?

Девушки застыли с открытыми ртами. Видимо, эта простая мысль до сих пор не приходила им в голову.

— Вы хотите сказать... — прошептала Богдана, — что Нестор специально нашёл Юстину? По заказу Эрика?

— Я хочу сказать, — мрачно произнесла я, — что вся эта свадьба, скорее всего, была ловушкой. Эрик нашёл сбежавшую свидетельницу через своих людей, выследил её в Москве и подослал к ней Нестора. Тот втёрся ей в доверие, влюбил в себя, уговорил выйти замуж. А свадьба понадобилась для того, чтобы заманить Юстину в нужное место и нужное время, когда вокруг будут только «свои» люди. Чтобы потом тихо вывезти её обратно — и заставить замолчать навсегда.

В зале гремела музыка, гости смеялись и поднимали бокалы, а мы вчетвером сидели бледные, как полотно, осознавая весь ужас происходящего. Бедная Юстина! Она думала, что нашла своё счастье, а на самом деле угодила в искусно расставленные сети.

— Но тогда почему она сбежала? — недоумённо спросила Снежана. — Если она ничего не подозревала, то откуда узнала про западню?

Хороший вопрос. И я почувствовала, что ответ на него — ключ ко всей загадке.

— Виолетта, — обратилась я к самой осведомлённой из подружек, — вы виделись с Юстиной сегодня утром, до церемонии?

— Да, — кивнула девушка. — Мы все вместе были у неё в номере, помогали наряжаться. Юстина была такая счастливая, смеялась, шутила. А потом... — Виолетта нахмурилась, припоминая. — Потом ей пришло сообщение на телефон. Она прочитала его, и лицо у неё стало белым как мел. Она быстро попросила нас выйти, сказала, что хочет побыть одна перед свадьбой. Мы вышли. А когда я через полчаса заглянула — её уже не было.

Вот оно! Кусочки головоломки встали на свои места. Кто-то прислал Юстине сообщение, которое и заставило её бежать. Кто-то предупредил её об опасности. Но кто?

— А вы не знаете, от кого было то сообщение? — быстро спросила я.

Виолетта покачала головой:

— Нет. Юстина не сказала. Но... — она замялась. — Знаете, у неё была подруга в Берёзовске. Близкая. Дина её звали. Она работала в окружении Эрика, что-то вроде секретарши. Юстина как-то обмолвилась, что Дина — единственная, кому она доверяет из тех, кто остался в городе. Может, это Дина её предупредила?

Я мысленно поставила галочку напротив имени «Дина». Возможно, именно эта женщина из окружения Эрика, мучимая совестью или просто пожалевшая подругу, в последний момент послала Юстине эсэмэску: «Беги, это ловушка». И Юстина побежала — в чём была, в свадебном платье, накинув сверху первый попавшийся плащ.

— Так, девочки, — я решительно поднялась. — Картина мне ясна. Юстина сбежала, потому что в последний момент узнала о готовящейся западне. Но проблема в том, что бежать ей особо некуда. Денег у неё с собой, скорее всего, немного. В Москве она никого толком не знает. И, судя по тому, что такси повезло её в Тверскую область, она направилась...

— Домой, — закончила за меня Богдана. — В Берёзовск. Куда же ещё бежать, когда страшно? К родным, к маме.

— Вот именно, — кивнула я. — А это значит, что она едет прямо в логово зверя. В город, где всем заправляет Эрик. Это самое опасное, что она могла придумать. И мы должны успеть найти её раньше, чем это сделают люди Эрика.

— Мы поедem с вами! — вскочила Снежана, и глаза её решительно блеснули. — Юстина наша подруга. Мы не бросим её в беде.

— И я! И я! — подхватили Виолетта с Богданой.

Меня тронула их преданность, но я понимала, что тащить с собой троих перепуганных девчонок — затея не самая разумная.

— Нет, — твёрдо сказала я. — Вы останетесь здесь и сделаете кое-что не менее важное. Во-первых, не показывайте виду, что что-то знаете. Если люди Эрика следят за свадьбой, они не должны заподозрить, что мы напали на след. Во-вторых, мне нужны все сведения, какие вы сможете вспомнить про Берёзовск: где живёт мать Юстины, как зовут эту Дину, как выглядит дача или дом, который может принадлежать Эрику. Любая мелочь.

Девушки закивали и принялись наперебой вспоминать детали. Я записывала всё в телефон: адрес матери Юстины на улице Садовой, приметы Дины — высокая шатенка с родинкой на щеке, упоминание о какой-то заброшенной даче на окраине города, куда Эрик якобы «свозил неугодных».

Заброшенная дача. Эта деталь зацепила меня сильнее всего. Если такси повезло Юстину в Тверскую область, а у Эрика там есть укромное местечко для «неугодных», то не исключено, что люди Эрика перехватили девушку по дороге и уже доставили её именно туда.

— А теперь самое главное, — я понизила голос. — Мне нужно достать чек из того такси. Точный адрес, куда привезли Юстину. Без этого все наши догадки — пустой звук.

И тут Богдана, до сих пор скромно молчавшая, вдруг просияла.

— Аделина Сергеевна, а у меня двоюродный брат работает в такси! Не в «Быстром еде», в другой конторе, но он всех водителей в округе знает. Может, выясним через него, кто возил Юстину?

Я едва не расцеловала рыжую девушку. Вот она, удача, которая всегда улыбается тому, кто не сидит сложа руки!

— Звоните брату немедленно, — велела я.

Богдана выскочила в коридор и принялась названивать. А я, оставшись со Снежаной и Виолеттой, продолжала выпытывать подробности. И с каждой минутой картина становилась всё более зловещей.

Оказалось, что Нестор появился в жизни Юстины подозрительно вовремя — ровно тогда, когда, по слухам, Эрик объявил награду за поимку «болтливой официантки». Оказалось, что свадьбу почему-то организовали в страшной спешке, всего за месяц. Оказалось, что Нестор настоял на том, чтобы торжество прошло именно в загородном отеле, подальше от города, — якобы из романтических соображений, а на самом деле, как я теперь понимала, чтобы вывезти Юстину в нужном направлении.

— Боже мой, — прошептала Виолетта, и на глазах у неё выступили слёзы. — Мы же все радовались за неё. Считали, что ей наконец-то повезло. А оказывается, её просто...

— Заманивали в капкан, — закончила я. — Но капкан не сработал. Юстина оказалась умнее, чем они думали. Её вовремя предупредили, и она сбежала. Теперь наша задача — найти её первыми.

В этот момент вернулась запыхавшаяся Богдана, размахивая телефоном.

— Узнала! — выпалила она. — Брат позвонил знакомым в «Быстром еде». Водителя зовут Степан. Он уже вернулся в Москву, едет порожняком. Брат дал его номер!

Я схватила телефон и тут же набрала номер водителя. После нескольких гудков хриплый мужской голос отозвался:

— Алё, слушаю.

— Степан, добрый день, — затараторила я, мгновенно входя в роль. — Это от диспетчера. Вы сегодня возили девушку в белом платье из отеля «Лебединое озеро» в Тверскую область. Помните?

— Ну, возил, — настороженно ответил водитель. — А чего?

— Понимаете, девушка кое-что забыла в салоне. Очень важную вещь. Нам нужно вернуть. Скажите, по какому точно адресу вы её высадили?

В трубке повисла пауза. Я затаила дыхание.

— Странная она была, эта пассажирка, — наконец проговорил Степан. — Всю дорогу плакала и в окно оглядывалась. А привёз я её не в сам город, а чуть в стороне. Деревня Кривые Дворики, последний дом у леса. Старый такой, заброшенный с виду. Я ещё удивился — чего такой красоте в этой глуши делать. Высадил, она расплатилась и пошла к дому. А там, у ворот, её мужик какой-то встречал. Здоровый, лысый, с цепью золотой на шее...

У меня всё похолодело внутри. Лысый мужик с золотой цепью. Дядя Эрик. Он уже там. Он уже ждал её.

— Спасибо, Степан, — выдавила я и положила трубку.

Подружки смотрели на меня, не дыша.

— Девочки, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает холодная решимость, — кажется, мы опоздали. Юстина уже в руках Эрика. Деревня Кривые Дворики, последний дом у леса. Я еду туда. Немедленно.

— Аделина Сергеевна, это же опасно! — ахнула Снежана. — Может, всё-таки полицию?

— Полицию обязательно, — кивнула я, лихорадочно соображая. — Но пока у меня нет доказательств — только слова таксиста да наши домыслы. Полиция будет проверять день. А у Юстины этого дня может не быть. Я поеду первой, на разведку. А вы, как только я доберусь до места и пойму, что там происходит, по моему звонку поднимете всех на ноги — и полицию, и кого угодно.

Я схватила сумочку, ключи от машины и направилась к выходу, на ходу прокручивая в голове план. Берёзовск, Кривые Дворики, заброшенный дом у леса. Туда, в самое логово, где дядя Эрик держал несчастную невесту. Я, Аделина Чешуйкина, ещё никогда так не рисковала. Но бросить девушку в беде я тоже не могла.

— Держите телефоны включёнными, — бросила я подружкам через плечо. — И молитесь, чтобы я успела.

Высочив на парковку, я села в свою старенькую машину, повернула ключ зажигания и рванула в сторону трассы. Впереди лежала дорога в Тверскую область — и навстречу самой страшной опасности в моей жизни.

Глава 4. Дача в Тверской области

Дорога до Кривых Двориков заняла у меня почти три часа. Моя старушка-«девятка», выдавшая виды и помнившая ещё прошлый век, кряхтела на ухабах, но честно несла меня вперёд, к цели. За окном мелькали поля, перелески, покосившиеся деревенские заборы и редкие заправки. Чем дальше я отъезжала от Москвы, тем глуше становились места и тем сильнее колотилось моё сердце.

По дороге я обдумывала план. Точнее, отсутствие всякого плана. Что я, женщина средних лет с лишними килограммами и без какой-либо боевой подготовки, могла противопоставить банде торговцев людьми? Ни оружия, ни помощников, ни связей в полиции. Только упрямство, любопытство да привычка доводить начатое до конца. Но именно эти качества не раз вытаскивали меня из самых безнадёжных ситуаций. Авось вытащат и теперь.

Навигатор привёл меня к окраине деревни уже в сумерках. Кривые Дворики оправдывали своё название на все сто: десяток покосившихся домишек, разбросанных вдоль кривой грунтовой дороги, заросшие бурьяном огороды, ни единого фонаря. Жизнь, казалось, давно покинула это место. Лишь в двух-трёх окнах теплился слабый свет.

Я не стала подъезжать к последнему дому вплотную — это было бы верхом неосторожности. Оставила машину за поворотом, у заброшенного коровника, и дальше пошла пешком, прячась в тени разросшихся кустов. Под ногами хлюпала грязь, в воздухе пахло сыростью и прелой листвой. Я кляла себя за то, что не переобулась — мои нарядные туфли на каблуке, в которых я щеголяла на свадьбе, безнадёжно тонули в раскисшей земле.

Последний дом у леса выглядел зловеще. Двухэтажный, кирпичный, с высоким глухим забором — он разительно отличался от соседних развалюх. Заброшенным он казался только снаружи: окна были заколочены досками, краска на воротах облупилась. Но я сразу заметила свежие следы шин на размокшей дороге, ведущие во двор. Кто-то здесь явно бывал, и совсем недавно.

У ворот стояли две машины. Один автомобиль я узнала сразу — серый «Фольксваген» Нестора. Значит, и жених тоже здесь. Вся компания в сборе. Второй автомобиль, чёрный внедорожник с тонированными стёклами, явно принадлежал кому-то из людей Эрика.

Я подкралась к забору и стала искать щель или подходящее место, чтобы заглянуть внутрь. Мне повезло: одна из досок забора отошла, и через образовавшуюся щель открывался вид на двор и часть дома. Я приникла к щели и затаила дыхание.

Во дворе никого не было. Зато в окне первого этажа — единственном не заколоченном — горел свет. И за этим окном я разглядела фигуры. Их было трое. Грузный лысый мужчина — без сомнения, дядя Эрик. Тощий сутулый Нестор, нервно меривший шагами комнату. И ещё один, незнакомый мне громила в чёрной куртке — видимо, охранник или подручный.

А в углу комнаты, на стуле, сидела она. Юстина.

Даже издали и в полумраке я узнала её роскошные каштановые волосы, теперь спутанные и растрёпанные. Свадебное платье, ещё утром белоснежное, было измято и испачкано. Руки девушки были заведены за спинку стула и, судя по неестественной позе, связаны. Голова бессильно поникла. Жива ли она? Сердце моё сжалось от ужаса.

Я лихорадочно соображала, что делать. Окно было приоткрыто — стояла духота, и кто-то распахнул створку, чтобы проветрить. До меня долетали обрывки разговора, и я, вжавшись в забор, превратилась в один большой слух.

— ...я же привёз её, как договаривались! — это был голос Нестора, дрожащий и плаксивый. — Я выполнил свою часть! Где мои деньги, Эрик Германович?

— Деньги? — пророкотал низкий, тяжёлый голос Эрика, от которого у меня мороз пробежал по коже. — Какие деньги, щенок? Ты должен был доставить мне её тихо, без шума. А

что вышло? Она сбежала прямо со свадьбы! Хорошо, мои люди перехватили её на трассе, а то бы ушла. Из-за твоей криворукости весь план чуть не полетел к чертям!

— Но я не виноват, что её кто-то предупредил! — заскулил Нестор. — Кто-то прислал ей сообщение! Это не я, клянусь!

— Вот это меня и беспокоит, — процедил Эрик. — Кто-то из своих стучит. Крыса завелась. Ну ничего, разберёмся. Сначала с этой красавицей закончим.

При этих словах Юстина вскинула голову, и я увидела её лицо — заплаканное, с потёкшей косметикой, но живое. Слава богу, живое!

— Отпустите меня, — прошептала она, и голос её, хоть и слабый, прозвучал на удивление твёрдо. — Я никому ничего не скажу. Я молчала целый год, буду молчать и дальше.

— Молчала она, как же, — хмыкнул Эрик. — А чего ж тогда сбежала? Нет, девочка. Ты слишком много видела тогда, в клубе. Я не могу оставлять таких свидетелей разгуливать на свободе. Утром тебя отвезут к остальным. Поедешь далеко-далеко. Туда, откуда не возвращаются.

У меня всё перевернулось внутри. «Туда, откуда не возвращаются». Значит, Юстину собирались вывезти из страны, продать в рабство, как и тех несчастных девушек, о которых рассказывали подружки. И времени до утра оставалось совсем мало.

Я отползла от забора, дрожащими руками достала телефон. Сигнал был слабый — одна-единственная палочка то появлялась, то исчезала. Я набрала номер полиции, но звонок сорвался. Попробовала снова — то же самое. Глухомань проклятая, ни связи, ни помощи!

Тогда я набрала Богдану. На моё счастье, эсэмэски в этой дыре кое-как проходили. Я быстро настучала сообщение: «Я в Кривых Дворицах. Юстина связана в доме у леса. Здесь Эрик, Нестор и охранник. Утром её хотят вывезти из страны. Зовите полицию срочно! Адрес: деревня Кривые Дворицы, последний дом. Скорее!»

Сообщение отправилось не сразу — значок крутился мучительно долго. Наконец появилась галочка «доставлено». Я выдохнула. Помощь будет. Но когда? Полиция доберётся сюда часа через три, не раньше. А что, если Эрик решит вывезти Юстину раньше? Что, если за эти три часа с ней что-то случится?

Нет, ждать сложа руки я не могла. Нужно было тянуть время, отвлечь бандитов, а если получится — освободить девушку. Но как? Соваться к троим мужчинам, один из которых — здоровенный громила, было чистым самоубийством.

И тут мне в голову пришла мысль. Дерзкая, безумная, но единственная. У задней стены дома, куда выходило окно с Юстиной, никого не было. Если незаметно подобраться к этому окну, пока бандиты заняты разговором у входа, можно попытаться передать девушке нож или что-то острое, чтобы она перерезала верёвки. А там, глядишь, и до приезда полиции дотянем.

Я обшарила карманы и сумочку. Ножа, разумеется, не было. Зато нашлись маникюрные ножнички — крошечные, но острые. Сгодятся. Ещё нашлась пилочка для ногтей — тоже в дело пойдёт.

Пригнувшись, я обогнула дом с тыльной стороны. Здесь забор был ниже и местами повален. Я перелезла через него, разорвав чулок и оцарапав ногу, но в пылу момента почти не почувствовала боли. Прокравшись вдоль стены, я добралась до приоткрытого окна. Голоса бандитов теперь раздавались из глубины комнаты — они отошли к двери, продолжая препираться из-за денег. А Юстина сидела совсем близко, в каких-то двух метрах от окна.

— Юстина, — прошептала я едва слышно. — Юстина, не оборачивайтесь резко. Это Аделина, распорядитель свадьбы. Я пришла помочь.

Девушка вздрогнула всем телом, но, к моему облегчению, не вскрикнула. Лишь чуть скосила глаза в сторону окна.

— Аделина? — выдохнула она беззвучно. — Как... откуда?

— Долго объяснять, — зашептала я. — Полиция уже едет. Нам нужно продержаться. Ваши руки связаны? Я попробую передать вам ножницы.

— Связаны, — прошелестела она. — Но они близко, в любой момент могут обернуться.

Я выждала момент, когда спор у двери разгорелся с новой силой, и осторожно протянула руку в окно с зажатыми в ней маникюрными ножничками. Юстина, извернувшись, насколько позволяли путы, нащупала их связанными за спиной пальцами. Ножнички перекочевали из моей ладони в её. Теперь оставалось ждать и молиться, чтобы она успела перерезать верёвку незаметно.

И в этот самый момент всё пошло не по плану.

— А это ещё что такое? — раздался резкий голос охранника. Видимо, он заметил движение у окна. — Эрик Германыч, там кто-то есть!

Я отпрянула от окна, но было поздно. Тяжёлые шаги загрохотали по комнате, и через секунду створка распахнулась настежь. Прямо передо мной возникла бритая голова и золотая цепь дяди Эрика. Маленькие злые глазки уставились на меня в упор.

— Гляди-ка, — ухмыльнулся он. — Гостя пожаловала. И кто же ты такая, любопытная?

Бежать было поздно и некуда. Через минуту меня, упирающуюся и возмущённо вопящую, втащили в дом через дверь. Громила держал меня железной хваткой, так что вырваться не было никакой возможности.

— Я свадебный распорядитель! — выпалила я, лихорадочно соображая, как выкрутиться. — Юстина забыла оплатить услуги! Я приехала за деньгами!

— За деньгами она приехала, — расхохотался Эрик. — В такую глушь, на ночь глядя? Ты меня за идиота держишь? Нет, голубушка. Ты слишком много съешь свой нос куда не надо.

Нестор, увидев меня, побелел как мел.

— Это она! — пролепетал он. — Распорядительница! Она на свадьбе всё вынюхивала, вопросы задавала про вас, Эрик Германович! Я говорил, что от неё надо избавиться!

— Вот, значит, как, — протянул Эрик, медленно обходя меня кругом, словно хищник, оценивающий добычу. — Ещё одна свидетельница. Ну что ж. Чем больше, тем веселее. Места в фургоне на всех хватит.

Я стояла, гордо вскинув подбородок, хотя коленки у меня тряслись от страха. Но я заметила главное: воспользовавшись суматохой вокруг моей персоны, Юстина за спиной у бандитов лихорадочно перепиливала ножничками верёвку. Ещё чуть-чуть, ещё немного...

— А вы зря радуетесь, Эрик Германович, — заговорила я громко и нагло, чтобы отвлечь внимание на себя. — Полиция уже в курсе. Я всё им рассказала перед тем, как ехать сюда. И про вашу банду, и про девушек, которых вы продаёте, и про эту дачу. Они будут здесь с минуты на минуту.

— Врёшь, — прищурился Эрик, но в голосе его впервые проскользнула тревога.

— Проверьте мой телефон, — кивнула я на сумочку, которую громила вырвал у меня из рук. — Там сообщение с этим адресом. Отправлено двадцать минут назад. Думаете, успеете вывезти троих свидетелей до приезда наряда?

Эрик схватил мою сумочку, вытряхнул содержимое, нашёл телефон. И, прочитав отправленное сообщение, помрачнел.

— Грузим всех в фургон, быстро! — рявкнул он своим. — Уходим немедленно!

Но было уже поздно. В этот самый момент Юстина, перерезав наконец путы, вскочила со стула. И сделала то, чего никто не ожидал: схватила стоявшую на столе тяжёлую керосиновую лампу и с размаху обрушила её на голову зазевавшегося охранника. Тот ахнул и рухнул на пол, выпустив меня из захвата.

— Бежим! — крикнула я Юстине, и мы обе рванули к двери.

А снаружи, разрывая ночную тишину, уже были милицейские сирены и сверкали синие проблесковые маячки. Помощь подоспела вовремя.

Глава 5. Свадебный торт правосудия

То, что произошло в следующие несколько минут, я буду помнить до конца своих дней. Дверь заброшенного дома распахнулась с таким грохотом, что задрожали стёкла в полусгнивших рамах, и в комнату ворвались люди в форме и бронежилетах. Лучи фонарей заметались по стенам, отовсюду гремело: «Полиция! Всем лежать! Руки за голову!»

Дядя Эрик, ещё секунду назад грозный и самоуверенный, метнулся было к окну, но дорогу ему преградил рослый сотрудник в маске. Громила, и без того оглушённый керосиновой лампой, даже не пытался сопротивляться — так и валялся на полу, постанывая и держась за ушибленную голову. А Нестор... Нестор повёл себя в точности так, как я и предполагала. Он бухнулся на колени, поднял трясущиеся руки и заскулил:

— Я ни при чём! Меня заставили! Это всё он, Эрик Германович! Я только программист, я ничего не делал!

— На месте разберёмся, кто чего делал, — отрезал высокий мужчина в штатском, по всей видимости, руководивший операцией. Он представился майором Грачёвым и окинул комнату цепким взглядом. — Кто из вас Аделина Чешуйкина?

— Это я, — я подняла руку, как школьница на уроке. — Это я отправила сообщение.

— Молодцом, гражданочка, — кивнул майор, хотя по тону было ясно, что одобрял он мою самостоятельность весьма условно. — Хотя в следующий раз советую вам не лезть в одиночку в логово к бандитам, а сразу звонить нам. Вам несказанно повезло, что мы успели.

И тут выяснилось самое удивительное. Оказалось, что майор Грачёв с группой оказался поблизости вовсе не случайно. Полиция уже давно вела разработку Эрика Германовича Караваева — так звучало полное имя нашего «дяди Эрика». Этот лощёный господин с золотой цепью числился в розыске как глава целой сети, занимавшейся вербовкой и вывозом девушек за границу под видом трудоустройства. Не хватало лишь одного — поймать его с поличным и заполучить живого свидетеля, готового дать показания.

— А свидетель у нас теперь есть, — майор посмотрел на Юстину, которая, освобождённая от пут, дрожала и куталась в чью-то куртку, накинутую ей на плечи заботливым сержантом. — И не один, как я погляжу.

— Откуда же вы узнали? — изумилась я. — Я ведь отправила сообщение только подружкам невесты.

— А подружки невесты, — усмехнулся Грачёв, — оказались девушками сообразительными. Позвонили по горячей линии, попали на нашу дежурную часть, а там фамилия Караваева давно на особом контроле. Сложили два и два — и подняли всех на ноги. Так что благодарите своих помощниц.

Я мысленно расцеловала Снежану, Виолетту и рыженькую находчивую Богдану. Вот что значит — не растеряться в трудную минуту!

Пока сотрудники надевали наручники на Караваева и его подручного, а заодно и на трясущегося Нестора, я подошла к Юстине. Бедная девочка всё ещё не могла поверить, что кошмар закончился. Она смотрела на меня огромными, полными слёз глазами.

— Аделина Сергеевна, — прошептала она, — вы спасли мне жизнь. Чужой человек, посторонний... Зачем вы это сделали? Вы же могли погибнуть.

— Затем, голубушка, — я обняла её за плечи, — что не могу спокойно спать, когда рядом творится несправедливость. Такой уж у меня характер. Любопытный и неутомимый.

— Караваев нашёл меня через интернет, — заговорила Юстина, словно ей нужно было выговориться. — Подослал Нестора. Я ведь, дурочка, поверила, что он меня любит. А он... он просто играл роль. Сегодня утром мне пришло сообщение от Дины. Помните, я рассказывала про подругу из Берёзовска? Она работала у Караваева секретаршей. Случайно увидела в его

бумагах распечатку моей переписки с Нестором и поняла, что свадьба — ловушка. Успела меня предупредить. Я схватила первое, что попало, накинула плащ и сбежала. Хотела добратся до мамы. А люди Караваева перехватили меня прямо на трассе...

— А Дина? — спросила я. — Что с ней? Караваев упоминал какую-то «крысу».

Юстина побледнела:

— Боже мой. Если он узнал, что это Дина...

— Не беспокойтесь, — вмешался майор Грачёв, услышавший наш разговор. — Мы немедленно отправим людей в Берёзовск, обеспечим вашей подруге защиту. И, скорее всего, предложим программу для свидетелей. Она ведь тоже теперь важная фигура в нашем деле.

Караваева выводили из дома. Проходя мимо меня, он остановился, смерил меня тяжёлым взглядом и процедил сквозь зубы:

— Зря ты влезла, тётка. Ох зря.

— А вы, гражданин Караваев, зря недооценили свадебного распорядителя, — парировала я, гордо вскинув подбородок. — Мы, знаете ли, народ упрямый. Если уж взялись за свадьбу — доведём до конца. Даже если в финале вместо марша Мендельсона звучат полицейские сирены.

Один из конвоиров не сдержал усмешки. А Караваев лишь скрипнул зубами, и его, притихшего и поникшего, усадили в машину.

Обратная дорога до отеля «Лебединое озеро» прошла как в тумане. Я ехала следом за полицейским кортежем, везя в своей старенькой «девятке» дрожащую Юстину. Девушка отогрелась, выпила горячего чая из термоса, который заботливо сунул нам кто-то из сотрудников, и постепенно начала приходить в себя. А я думала о том, какая всё-таки странная штука — жизнь. Утром я готовила пышное торжество, а к ночи раскрыла банду торговцев людьми. Воистину, никогда не знаешь, чем обернётся обычный рабочий день.

Когда мы добрались до отеля, было уже далеко за полночь. Я, честно говоря, думала, что гости давно разъехались. Но не тут-то было! В банкетном зале всё ещё горел свет, играла музыка, и — о чудо! — три верные подружки невесты не сомкнули глаз, дожидаясь известий. Едва завидев Юстину, целую и невредимую, они с визгом бросились к ней, и началось такое, что и описать трудно: объятия, слёзы, поцелуи, смех сквозь рыдания.

А ещё в зале, как ни странно, оставалась горстка самых стойких гостей — те, кто, накачавшись шампанским по моему распоряжению, так и не понял до конца, что свадьба, собственно, не состоялась. И в самом центре зала по-прежнему возвышался он — пятиярусный свадебный торт, шедевр кондитерского искусства, при виде которого у диабетика поднимался сахар. Нетронутый, белоснежный, увенчанный сахарными фигурками жениха и невесты.

И вот именно у этого торта и разыгралась финальная сцена. Майор Грачёв с сотрудниками вошли в зал следом за нами — нужно было оформить кое-какие документы и опросить свидетелей. Караваева и Нестора, всё ещё в наручниках, ввели для процедуры опознания. И надо же было такому случиться, что бледный, трясущийся Нестор, проходя мимо торта, споткнулся о собственную ногу и едва не рухнул прямо в него лицом! Громила-конвоир в последний момент удержал арестованного за шиворот.

— Глядите-ка, — не удержалась я, — жених всё-таки добрался до свадебного торта. Только без невесты и в наручниках.

Зал, в котором повисла было гробовая тишина, грохнул нервным смехом. Бубликов, бедняга, узнав, что его драгоценный заказчик-жених оказался пособником банды торговцев людьми, схватился за сердце и плюхнулся на ближайший стул, обмахиваясь салфеткой. А сахарную фигурку жениха с верхушки торта майор Грачёв, человек, как выяснилось, не лишённый чувства юмора, аккуратно снял и положил в карман со словами:

— Вещественное доказательство. Шучу.

Дело Караваева гремело потом несколько месяцев. Газеты пестрели заголовками, телевидение крутило сюжеты, а меня, Аделину Чешуйкину, скромного свадебного распорядителя, журналисты окрестили «свадебной сыщицей». Караваев получил солидный срок — вместе со всей своей бандой. Несколько похищенных девушек, которых уже готовились вывезти за границу, удалось спасти. Нестор, как мелкая сошка, отделался полегче, но и ему пришлось ответить за участие в преступном сговоре. А Дина, та самая отважная секретарша, что предупредила подругу, попала под защиту и стала главной свидетельницей обвинения.

Юстина же... Юстина оказалась девушкой не только красивой, но и благодарной. Через неделю после всех этих событий она пришла ко мне домой — в мою скромную хрущёвку, ремонт кухни в которой так и остался в мечтах. В руках она держала большую белую коробку.

— Аделина Сергеевна, — сказала она, и глаза её сияли совсем не так, как в ту страшную ночь. — Я хочу вам кое-что подарить. В благодарность.

Она открыла коробку. Внутри лежало то самое свадебное платье — отчищенное, отглаженное, снова белоснежное и прекрасное, как облако.

— Юстина, что вы! — замахала я руками. — Зачем мне свадебное платье? Я и замуж-то не собираюсь!

— А вы и не для свадьбы возьмите, — улыбнулась она. — Возьмите на память. Это платье принесло мне несчастье, а вы превратили несчастье в спасение. Пусть теперь оно хранится у того, кто оказался настоящим ангелом-хранителем. И знаете что? Я решила: никаких больше сайтов знакомств и сомнительных принцев. Поеду домой, в Берёзовск. Город теперь очистился от Караваева, дышать стало легче. Буду жить рядом с мамой. А когда встречу настоящую любовь — обязательно позову вас распорядителем на свадьбу. На самую честную, самую счастливую свадьбу на свете.

У меня, признаться, защемило в глазах. Я приняла коробку, обняла девушку, и мы обе всплакнули — на этот раз от радости.

Платье я повесила в шкаф, и иногда, открывая дверцу, я смотрю на него и вспоминаю ту безумную ночь в Кривых Двориках. Вспоминаю, как кляла себя за неудобные туфли, как дрожали коленки, как Юстина обрушила керосиновую лампу на голову бандита. И понимаю: ничего бы у меня не вышло без верных подружек невесты, без находчивого таксиста Степана, без отважной Дины и без майора Грачёва с его командой. Доброе дело — оно, знаете ли, всегда делается сообща.

А свою репутацию свадебного распорядителя я, против всех ожиданий, не только не потеряла, но и приумножила. После той нашумевшей истории клиенты повалили ко мне валом. Каждый хотел заказать свадьбу у той самой «свадебной сыщицы». Я даже сумела наконец отремонтировать кухню и отправить маму в санаторий.

Вот так и закончилась эта история — свадьба, которая началась в чёрных тонах, а завершилась торжеством справедливости. И хотя марш Мендельсона в финале так и не прозвучал, я всё равно считаю, что та свадьба удалась на славу. Ведь главное на любом празднике — не торт в пять ярусов и не розы из Эквадора. Главное — чтобы все остались живы, здоровы и счастливы.

А уж это я, Аделина Чешуйкина, вам как профессионал говорю.

Аромат старого парфюма

Глава 1. Флакон с историей

Меня зовут Ванда Лопухова, и я, честно признаюсь, помешана на запахах. Не в том смысле, в каком помешаны на чистоте слишком уж дотошные хозяйки, а в самом возвышенном, поэтическом смысле. С детства я различала ароматы так, как другие люди различают цвета или музыкальные ноты. Мама, бывало, спрячет в шкафу шоколадную конфету, а я её — раз! — и по запаху найду в два счёта, даже сквозь три слоя бумаги и жестяную коробку из-под печенья. Папа называл меня «нашей ищейкой» и пророчил карьеру в милиции. Но судьба распорядилась иначе, и в свои тридцать восемь лет я стала парфюмером. Правда, парфюмером-самоучкой, без диплома и без громкого имени, но зато с собственной маленькой мастерской в полуподвале старого московского дома и с носом, которому позавидовала бы любая французская знаменитость.

В то злосчастное — а может, и счастливое, кто теперь разберёт — субботнее утро я отправилась на антикварный аукцион. Проводился он в обшарпанном особнячке в центре города, куда обычно стекалась публика весьма пёстрая: солидные коллекционеры в дорогих пиджаках, юркие перекупщики с бегающими глазками, восторженные старушки, продававшие фамильное серебро, и просто любопытствующие зеваки вроде меня. Я ходила на такие аукционы не столько ради покупок — лишних денег у меня отродясь не водилось, — сколько ради вдохновения. Старинные вещи, знаете ли, хранят в себе целые истории, и порой, проведя ладонью по бронзовой статуэтке или вдохнув запах пожелтевшей книжной страницы, я придумывала новый аромат.

В тот день я бродила между столами, заставленными всяческим добром, и вдруг замерла как вкопанная. На бархатной подушечке под стеклянным колпаком стоял флакон. Не просто флакон — это было настоящее произведение искусства. Гранёное хрустальное тело переливалось всеми цветами радуги, пробка в форме распустившегося цветка была украшена крошечными золотыми тычинками, а на этикетке, потёртой и пожелтевшей от времени, угадывалась витиеватая французская надпись.

— Что это за прелесть? — спросила я у распорядителя, кругленького мужчины с пышными усами по фамилии Селёдкин.

— А, это, — оживился он, поглаживая усы. — Французские духи, двадцатые годы прошлого века. Подлинник, между прочим. Привезены из Парижа. Внутри даже сохранилась часть содержимого. Большая редкость, Ванда Аркадьевна, большая редкость!

Я наклонилась к стеклянному колпаку, и сердце моё забилося чаще. Флакон двадцатых годов, с сохранившимся содержимым! Для парфюмера это всё равно что для археолога — нетронутая гробница фараона. Запахи той эпохи давно канули в Лету, рецептуры утеряны, а тут — живое свидетельство, аромат, который вдыхали изящные дамы почти сто лет назад.

— И сколько же за него хотят? — осторожно поинтересовалась я.

Селёдкин назвал стартовую цену, и я мысленно охнула. Сумма была изрядная, но не запредельная. Как раз та заначка, что я копила на новый перегонный аппарат. «Эх, была не была, — подумала я. — Аппарат подождёт, а такой флакон второй раз в жизни не встретится».

Торги начались после полудня. Я заняла место в третьем ряду, крепко сжимая в потной ладошке табличку с номером. Когда дошла очередь до моего флакона, я вся подобралась, словно охотничья собака перед прыжком.

— Лот номер сорок семь, — провозгласил Селёдкин. — Флакон французских духов, тысяча девятьсот двадцатые годы. Начальная цена...

Я тут же подняла табличку. Тут же поднял свою и какой-то господин в дальнем углу зала — высокий, худой, в чёрном пальто, с лицом бледным и каким-то нездорово напряжённым. Цена поползла вверх. Я поднимала табличку, он поднимал свою. Сердце моё колотилось как сумасшедшее. Сумма уже подбиралась к опасной черте, за которой моя заначка превращалась в долги.

И вдруг произошло нечто странное. Господин в чёрном пальто, который, казалось, готов был биться за флакон до последнего, внезапно опустил табличку, поднялся и быстрым шагом вышел из зала, бросив на меня напоследок такой тяжёлый, мрачный взгляд, что у меня мурашки побежали по спине.

— Продано! — стукнул молоточком Селёдкин. — Лот номер сорок семь уходит даме из третьего ряда!

Я не помнила себя от радости. Дрожащими руками отсчитала деньги, расписалась в нужных бумагах и получила заветный флакон, любовно завернутый в мягкую бумагу. Прижимая попку к груди, словно младенца, я выпорхнула из душного зала на улицу.

Странного господина в чёрном пальто нигде не было видно. И слава богу, подумала я, уж больно недобрый был у него взгляд.

Домой я летела как на крыльях. Жила я одна — с мужем разошлась лет пять назад, детьми обзавестись не успели, а из всей живности держала только толстого рыжего кота по кличке Маркиз, существо ленивое и наглое, но по-своему милое. Маркиз встретил меня у порога недовольным мявом, требуя ужина, но мне было не до него. Я скинула пальто, прошла в свою мастерскую — тесную комнатку, заставленную колбами, пробирками, мензурками и сотнями пузырьков с эфирными маслами, и эссенциями — и бережно водрузила флакон на рабочий стол.

— Ну, здравствуй, красавец, — прошептала я. — Покажи мне свои секреты.

Под лампой флакон заиграл ещё ярче. Я долго любовалась его гранями, разглядывала пожелтевшую этикетку, пытаюсь разобрать стёршуюся надпись. Различить удалось лишь два слова: «Camille» и, кажется, «Paris». Камилла. Париж. Имя дамы и город, где, должно быть, эти духи были созданы. Я представила себе изящную парижанку двадцатых годов — с короткой стрижкой, в платье с заниженной талией, с длинным мундштуком в тонких пальцах. Какой она была? Чем жила? Кого любила?

Любопытство жгло меня изнутри. Я понимала, что открывать столетний флакон — затея рискованная. Содержимое могло испортиться, выдохнуться, превратиться в дурно пахнущую жижу. Но устоять я не могла. Желание вдохнуть аромат давно ушедшей эпохи оказалось сильнее доводов рассудка.

Я взялась за пробку-цветок. Она поддавалась туго — видно, за сто лет хрусталь намертво прикипел к горлышку. Я повертела её осторожно, влево-вправо, чувствуя, как пробка нехотя проворачивается. И вот наконец раздался едва слышный хлопок, и пробка вышла из горлышка.

В тот же миг комнату наполнил аромат.

О, что это был за аромат! Описать его обычными словами я не в силах — для этого пришлось бы изобрести новый язык. Сначала повеяло чем-то цветочным — туберозой, иланг-илангом, тяжёлыми, дурманящими белыми цветами. Затем сквозь цветочную вуаль пробились ноты пряные, тёплые — гвоздика, корица, что-то смолистое. А под ними, в самой глубине, таилось нечто странное, едва уловимое — горьковатое, металлическое, чуть-чуть отдающее миндалём. Этот последний оттенок не вязался с остальными, выбивался из общей гармонии, как фальшивая нота в прекрасной мелодии.

Я наклонилась ближе и вдохнула полной грудью, стараясь распознать эту загадочную ноту.

И вот тут-то всё и случилось.

Комната вдруг поплыла перед глазами. Цветочно-пряный аромат стал невыносимо густым, обволакивающим, он будто проник не только в мои ноздри, но и в самый мозг. Стены мастерской закружились, колбы и пузырьки слились в разноцветную карусель, лампа над столом вспыхнула ослепительно ярко — а потом резко погасла. Я почувствовала, как ноги мои подкашиваются, как пол уходит из-под ног, и успела только ухватиться рукой за край стола, прежде чем провалиться в чёрную, душную пустоту.

Сколько я пробыла без сознания, я не знала. Очнулась я на полу мастерской. Голова раскалывалась, во рту стоял странный горьковатый привкус, а перед глазами всё ещё плыли разноцветные пятна. Надо мной, склонившись, сидел Маркиз и обеспокоенно мяукал, тычась мокрым носом мне в щёку.

— Маркиз, — простонала я, с трудом приподнимаясь, — что это было?

Я взглянула на часы и обомлела. С того момента, как я открыла флакон, прошло ровно пять минут. Всего пять минут — а мне показалось, будто я провела в забытии целую вечность. И что самое странное — в этой вечности я что-то видела. Что-то яркое, отчётливое, тревожное. Какую-то комнату, не мою, чужую. Роскошную, с тяжёлыми портьерами и хрустальной люстрой. И ещё... ещё там был кто-то. Кто-то лежал. И был запах. Тот самый горьковато-миндальный запах, что таился в глубине аромата.

Я помотала головой, отгоняя наваждение. «Перенюхала, — сказала я себе. — Старые духи, наверное, выделили какие-нибудь пары, вот голова и закружилась. Всякое бывает. Надо проветрить мастерскую и впредь быть осторожнее».

Дрожащими руками я заткнула флакон пробкой и отставила его подальше, на верхнюю полку. Распахнула форточку, впуская в комнату свежий вечерний воздух. Маркиз, успокоившись, важно прошествовал на кухню — намекать на ужин.

Я поднялась, держась за стену, и поплелась следом за котом. Сердце всё ещё колотилось, в голове гудело. Но больше всего меня тревожило не плохое самочувствие, а то странное видение. Роскошная комната, хрустальная люстра, кто-то лежащий на полу. И этот запах смерти — да-да, теперь я отчётливо понимала, что горьковато-миндальная нота пахла именно смертью, хотя откуда мне было знать, как пахнет смерть?

Я насыпала Маркизу корма, заварила себе крепкого чая и присела на табурет, обхватив горячую чашку ладонями. За окном сгущались сумерки. Старый московский двор погрузился в темноту, в соседних окнах зажигались огни. Всё было обыденно, спокойно, привычно. И только во мне самой что-то изменилось — словно открытый флакон выпустил на волю не только аромат столетней давности, но и нечто гораздо большее. Нечто, что мне ещё предстояло понять.

Я отхлебнула чаю и поморщилась — горьковатый привкус во рту никак не проходил. И вдруг мне вспомнился тот странный господин в чёрном пальто, что так настойчиво торговался за флакон, а потом внезапно бросил всё и сбежал, наградив меня мрачным взглядом. Почему он ушёл? Чего испугался? И почему этот невзрачный, в сущности, флакончик вызвал такой ажиотаж?

«Завтра, — решила я. — Завтра на свежую голову во всём разберусь. А сейчас спать».

Но заснуть в ту ночь мне было не суждено. Стоило мне закрыть глаза, как перед внутренним взором снова и снова всплывала та роскошная комната с хрустальной люстрой. И с каждым разом картинка становилась всё чётче, всё подробнее. Я уже различала узор на портьерах, блеск серебряных подсвечников, тонкую руку с перстнем, протягивающую кому-то бокал с вином...

Я и не подозревала тогда, лёжа без сна в своей постели и слушая мерное урчание привалившегося к боку Маркиза, что покупка старинного флакона перевернёт всю мою размеренную жизнь. Что аромат, заточённый в хрустальном плену почти на столетие, хранит в себе страш-

ную тайну. И что мне, Ванде Лопуховой, парфюмеру-самоучке с необыкновенным носом, предстоит эту тайну разгадать.

А пока я просто лежала и вдыхала растворённый в воздухе квартиры остаточный аромат — цветочный, пряный и с той самой горьковатой ноткой на самом доньшке. Ноткой, которая, как я очень скоро узнаю, называется красивым словом и означает страшную вещь.

Но об этом — в следующей главе.

Глава 2. Видение или память?

Утро понедельника началось для меня отвратительно. Я проснулась с тяжёлой головой, словно накануне выпила лишнего, хотя за всю прошлую неделю не притронулась к спиртному. Маркиз сидел на подоконнике и укоризненно поглядывал на меня жёлтыми глазами — мол, заспалась, хозяйка, а кота кормить кто будет?

Но не голова и не голодный кот тревожили меня сильнее всего. Едва я открыла глаза, как видение, мучившее меня всю ночь, вернулось — да не просто вернулось, а развернулось передо мной во всех подробностях, словно кто-то прокрутил в моей голове кадры старого, но удивительно чёткого фильма.

Я лежала неподвижно, боясь спугнуть наваждение, и смотрела. Смотрела не своими глазами — чужими. Я знала это совершенно точно, хотя объяснить, откуда взялась эта уверенность, не могла. Передо мной была та самая роскошная комната. Теперь я различала её во всех деталях: высокие потолки с лепниной, тяжёлые портьеры цвета бордо, перехваченные золотыми шнурами, хрустальную люстру, в гранях которой дробился свет, большое зеркало в резной раме. За окном виднелись крыши незнакомого города, островерхие, с печными трубами, а вдалеке — ажурный силуэт, который я, хоть и никогда не бывала за границей, безошибочно узнала. Эйфелева башня. Париж.

Я — то есть та, чьими глазами я смотрела, — сидела за туалетным столиком и держала в руке хрустальный флакон. Тот самый. Мой флакон. Тонкие пальцы с безупречным маникюром, унизанные перстнями, отвинчивали пробку-цветок. Я почувствовала аромат — тот же цветочно-пряный аромат туберозы и гвоздики. А потом эти изящные пальцы проделали нечто странное: они капнули несколько капель из флакона не на запястье, не за ушко, как делают, душась, а в высокий хрустальный бокал с тёмно-красным вином.

Сердце моё — и моё, и той, чужой женщины, — забилося часто-часто. В дверь постучали. В комнату вошёл мужчина — немолодой, грузный, с проседью в усах, в дорогом шёлковом халате. Он что-то говорил, улыбался, а женщина улыбалась ему в ответ и протягивала бокал. Тот самый бокал.

Мужчина выпил. Сначала ничего не происходило — он продолжал улыбаться и говорить. А потом улыбка сползла с его лица, оно побагровело, он схватился за горло, захрипел и рухнул на ковёр — прямо туда, под хрустальную люстру. Тело его выгнулось дугой, по комнате поплыл тот самый горьковато-миндальный запах, теперь уже резкий, отчётливый, ни с чем не сравнимый. Запах смерти.

А женщина — та, чьими глазами я всё это видела, — не закричала, не бросилась на помощь. Она спокойно поставила пустой бокал на столик, поднялась, оправила платье и подошла к зеркалу. И я, Ванда Лопухова, впервые увидела её лицо — отражённое в резной раме. Красивое, холодное лицо с тонкими губами, изогнутыми в едва заметной усмешке, с большими тёмными глазами, в которых не было ни капли раскаяния. Только удовлетворение. Только торжество.

Я закричала и подскочила на кровати. Видение разлетелось вдребезги, как тот самый хрустальный бокал, если бы его уронили на пол. Маркиз с перепугу свалился с подоконника и юркнул под шкаф. Я сидела, тяжело дыша, вся в холодном поту, и смотрела на свои дрожащие руки.

— Господи, — прошептала я. — Да что же это такое творится?

Я не была мнительной особой. Никогда не верила ни в гадалок, ни в гороскопы, ни в прочую чепуху, которой так увлекаются скучающие дамы моего возраста. Я была человеком практическим, привыкшим доверять только тому, что можно увидеть, потрогать, понюхать. Но то, что происходило со мной со вчерашнего вечера, не лезло ни в какие рамки. Я видела

убийство. Чётко, подробно, в красках и запахах. Убийство, которого я не могла видеть, потому что произошло оно — если оно вообще произошло — почти сто лет назад в Париже, в городе, где я отродясь не бывала.

Кое-как успокоившись, я поднялась, накормила обиженного Маркиза и заварила себе кофе покрепче. Руки всё ещё дрожали. Я села за кухонный стол и попыталась рассуждать здраво, как меня учил покойный папа: разложить всё по полочкам, отделить факты от домыслов.

Факт первый: я купила на аукционе старинный флакон французских духов двадцатых годов с надписью «Camille» и «Paris».

Факт второй: открыв флакон и вдохнув аромат, я потеряла сознание на пять минут.

Факт третий: с тех пор меня преследует одно и то же видение — сцена отравления в роскошной парижской комнате, причём вижу я её глазами женщины-отравительницы.

«Допустим, — рассуждала я, отхлёбывая кофе, — допустим, в старых духах содержалось какое-то вещество, вызывающее галлюцинации. Эфирные масла, между прочим, штука серьёзная — некоторые в больших дозах и до обморока довести могут, и видения вызывать. Шалфей, полынь, мускатный орех — да мало ли. Может, я просто надышалась паров, и разыгравшееся воображение нарисовало мне всю эту красивую парижскую жуть».

Версия была разумная, логичная и совершенно меня не убеждала. Потому что галлюцинация — это бессвязный набор образов, обрывки, мешанина. А то, что я видела, было цельным, последовательным, до жути реальным. Я помнила вес флакона в чужой руке, помнила, как холодил кожу хрустальный бокал, помнила скрип паркета под ногами умирающего мужчины. Так не выдумывают. Так — вспоминают.

И тут меня осенило. Я вскочила так резко, что едва не опрокинула чашку с кофе. А что, если это и есть воспоминание? Не моё — чужое. Что, если аромат, заточённый во флаконе почти на сто лет, каким-то непостижимым образом сохранил в себе память о том, что происходило вокруг него? Ведь говорят же, что запах — самый сильный якорь для памяти. Стоит уловить аромат маминых духов или бабушкиных пирогов — и тебя мгновенно уносит на десятилетия назад, во всех подробностях. А я с моим феноменальным нюхом, с моей особенной чувствительностью к запахам — что, если я сумела не просто унюхать аромат, а считать с него запечатлённую память? Как игла считывает звук с бороздок старой пластинки.

Мысль была безумной. Совершенно ненаучной, дикой, фантастической. Но она объясняла всё. И чем дольше я её обдумывала, тем больше она мне нравилась — той странной, тревожной привлекательностью, какой обладают порой самые невероятные догадки.

Я оставила кофе и решительно направилась в мастерскую. Флакон стоял на верхней полке, там, где я его вчера оставила, — невинный, прекрасный, играющий хрустальными гранями в лучах утреннего солнца. Я смотрела на него с опаской, как на спящую змею.

— Ну что, красавец, — проговорила я вслух, — кому же ты принадлежал? И кого отравила твоя хозяйка?

Флакон, разумеется, молчал. Зато заговорила моя память — точнее, та чужая память, что поселилась во мне. Стоило мне взглянуть на флакон, как перед глазами снова мелькнуло лицо женщины из зеркала. Холодное, красивое, торжествующее. И вместе с лицом всплыло имя — отчётливое, ясное, будто кто-то прошептал его мне на ухо. Камилла.

Я вздрогнула. Имя с этикетки. «Camille». Так звали хозяйку духов. И, судя по всему, она была убийцей.

Весь день я не могла найти себе места. Бросалась то к флакону, то прочь от него. Пыталась работать — составить заказанный композицию для постоянной клиентки, — но руки не слушались, нос отказывался различать привычные ноты, а перед глазами то и дело вставала проклятая парижская комната. К вечеру я была вымотана так, словно разгрузила вагон угля.

И видения становились всё назойливее. Теперь они приходили не только когда я смотрела на флакон или закрывала глаза. Они подстерегали меня внезапно, среди бела дня. Я мыла посуду — и вдруг чувствовала на пальцах тяжесть чужих перстней. Я гладила Маркиза — и вдруг под рукой ощущала не мягкую кошачью шерсть, а гладкий шёлк бордовой портьеры. Я заваривала чай — и вдруг в ноздри ударял горьковато-миндальный запах, и я видела, как багровеет лицо умирающего мужчины.

Это сводило с ума. Буквально. Я уже всерьёз начала опасаться за свой рассудок. Может, права была та версия про галлюцинации, и я попросту травлюсь парами старых духов, потихоньку сходя с ума? Может, нужно не загадки разгадывать, а к доктору бежать?

Но какое-то внутреннее чутьё — то самое, что папа называл «нашей ищейкой», — упрямо твердило: нет, Ванда, ты не сумасшедшая. Ты на пороге чего-то очень важного. Кто-то почти сто лет назад совершил страшное преступление и остался безнаказанным. И теперь, волею судьбы и через посредство хрустального флакона, эта тайна досталась тебе. А значит, и распутать её — твоё дело.

Поздним вечером, сидя за кухонным столом всё с той же остывшей чашкой кофе, я приняла решение. Я не пойду к доктору — по крайней мере, пока. Я докопаюсь до истины. Узнаю, кто такая Камилла, кого и почему она отравила, как её флакон попал в Москву и оказался на аукционе. А заодно, может быть, пойму, отчего так странно вёл себя тот господин в чёрном пальто, что торговался за флакон, а потом сбежал, наградив меня недобрый взглядом. Сдаётся мне, неспроста он так суетился. Знал он что-то про этот флакон. Знал и боялся.

Но с чего начать? Я не историк, не сыщик. Я простой парфюмер из московского полуподвала. Французского толком не знаю, в архивах рыться не умею. Мне нужен человек сведущий — тот, кто разбирается в старинной парфюмерии, в её истории, в этих витиеватых этикетках и забытых рецептурах.

И тут я вспомнила. Был у меня на примете один такой человек. Эксцентричный коллекционер старинных флаконов и парфюмерных редкостей по имени Ипполит Стрешнев. Я никогда с ним лично не встречалась, но слышала о нём от коллег — его поминали то с восхищением, то с усмешкой, как чудака, помешанного на ароматах прошлых веков. Говорили, у него дома целый музей: тысячи флаконов, этикеток, рекламных плакатов, рецептурных книг. Если кто и мог рассказать мне о таинственной Камилле и её духах — так это он.

Я разыскала в записной книжке его телефон, который когда-то дала мне знакомая, и, не откладывая, набрала номер, хотя час был уже поздний. После долгих гудков трубку сняли, и скрипучий, капризный голос недовольно произнёс:

— Алло! Кто там ещё на ночь глядя?

— Здравствуйте, — затараторила я, боясь, что он бросит трубку. — Меня зовут Ванда Лопухова, я парфюмер. Простите за поздний звонок, но у меня дело чрезвычайной важности. Видите ли, я приобрела старинный французский флакон двадцатых годов, и с ним связана одна загадка...

— Флакон? Двадцатых годов? — голос на том конце мгновенно переменялся, в нём зазвучал жадный, почти хищный интерес. — Французский, говорите? А что на этикетке?

— «Camille» и «Paris», — ответила я. — Имя и город. Больше ничего разобрать не удалось.

В трубке повисла тишина. Долгая, напряжённая тишина. Я уже подумала, что связь прервалась, как вдруг Ипполит Стрешнев произнёс — медленно, с расстановкой, и в голосе его мне послышалось нечто похожее на испуг:

— Камилла... Не может быть. Неужели он всё-таки всплыл. Голубушка, вы хоть понимаете, что попало вам в руки?

— Не понимаю, — честно призналась я, чувствуя, как по спине бежит знакомый холодок. — Потому и звоню. Объясните, ради бога.

— Не по телефону, — отрезал он. — Такие вещи по телефону не обсуждают. Приезжайте завтра ко мне. С утра. И флакон везите, непременно везите. Только — слышите? — никому ни слова. Этот флакон, милая моя, уже не одну жизнь сгубил.

И прежде, чем я успела хоть что-то спросить, в трубке раздались короткие гудки.

Я медленно опустила телефон. Сердце колотилось как бешеное. «Уже не одну жизнь сгубил». Значит, мне не померещилось. Значит, за хрустальными гранями и впрямь скрывается нечто страшное. И, судя по всему, завтра мне предстояло узнать, что именно.

Я взглянула на флакон, белевший на полке в свете кухонной лампы, и впервые пожалела, что вообще пошла на тот злосчастный аукцион. Но отступать было поздно. Чужая память уже поселилась во мне, и избавиться от неё можно было, только разгадав вековую тайну.

Той ночью мне снова снилась парижская комната, хрустальная люстра и холодное, торжествующее лицо женщины по имени Камилла.

Глава 3. Историк парфюмерии

Ипполит Стрешнев жил в старом доме на Чистых прудах — из тех домов, что строили основательно, на века, с высокими потолками, лепниной и широкими лестницами, по которым когда-то поднимались дамы в шляпках и господа с тростями. Я добралась туда к десяти утра, прижимая к груди сумку с бережно упакованным флаконом. Всю дорогу в метро мне казалось, что попутчики поглядывают на меня с подозрением, будто чувствуют исходящий от сумки запах чужой смерти. Глупости, конечно, — флакон был плотно закрыт, и никакого запаха наружу не просачивалось. Но нервы мои за прошедшие сутки расшатались до предела.

Дверь открылась прежде, чем я успела нажать на кнопку звонка. На пороге стоял высокий сухопарый старик в бархатном халате цвета спелой сливы, с длинными седыми волосами, зачёсанными назад, и острой бородкой клинышком. На носу его сидело пенсне — настоящее пенсне, какого я в жизни не видела, разве что в старых фильмах. От старика пахло — и я, профессионал, не могла этого не отметить — благородной смесью табака, кожаных переплётков, ветивера и ещё чего-то неуловимо старомодного, элегантного.

— Ванда Лопухова, надо полагать, — проскрипел он, окидывая меня цепким взглядом поверх пенсне. — Точны. Это хорошо. Терпеть не могу опаздывающих. Входите, входите, и не топчитесь на пороге.

Я вошла — и ахнула. Квартира Ипполита Стрешнева и впрямь оказалась настоящим музеем. Все стены от пола до потолка были заставлены стеллажами, а на стеллажах рядами стояли флаконы. Тысячи флаконов! Большие и маленькие, хрустальные и фарфоровые, гранёные и гладкие, с пробками в виде цветов, птиц, женских головок. Между стеллажами висели старинные рекламные плакаты с изящными дамами и витиеватыми французскими надписями. В воздухе стоял ни с чем не сравнимый аромат — застоявшийся, многослойный, в котором смешались сотни ушедших эпох.

— Боже мой, — выдохнула я. — Какая красота.

— Не отвлекайтесь, — буркнул Стрешнев, хотя я заметила, что похвала ему польстила. — Идёмте в кабинет. И флакон, флакон давайте сюда.

Кабинет оказался под стать остальной квартире — заваленный книгами, рукописями, какими-то пожелтевшими каталогами. Старик усадил меня в продавленное кресло, сам устроился напротив за массивным письменным столом и протянул сухую узловатую руку:

— Ну-с, показывайте вашу находку.

Я достала флакон из сумки, развернула бумагу и поставила на стол. Стрешнев надел поверх пенсне ещё и какую-то лупу на специальном ремешке, склонился над флаконом — и я увидела, как лицо его меняется. Сначала на нём было обычное любопытство знатока. Потом — изумление. А потом, когда он разглядел этикетку, оно сделалось бледным как мел.

— Господи помилуй, — прошептал он, и руки его задрожали. — Это он. Флакон Камиллы Ланглуа. Я думал, его уже сто лет как нет на свете. Думал, легенда, выдумка, страшная сказка для коллекционеров...

— Камилла Ланглуа? — переспросила я, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то вниз. — Так звали хозяйку?

— Так звали, — Стрешнев откинулся в кресле и снял пенсне, устало потёр переносицу, — одну из самых известных отравительниц прошлого века. Голубушка, вы, сами того не ведая, купили вещь с поистине дьявольской историей. Слушайте. И не перебивайте, я этого не выношу.

Он налил себе из графина какой-то тёмной настойки, отхлебнул и заговорил — медленно, с расстановкой, и голос его, поначалу скрипучий, вдруг обрёл какую-то завораживающую глубину, будто старик сам перенёсся на сто лет назад.

— Камилла Ланглуа, — начал он, — родилась в самом конце прошлого века в нищем парижском предместье. Красавица, каких поискать. Тёмные глаза, точёная фигура, и при этом — холодный, расчётливый ум и полное отсутствие того, что обычные люди называют совестью. Из грязи она рвалась в князи, и средства выбирала самые радикальные. Свою карьеру, если можно так выразиться, она построила на выгодных браках. Точнее, на выгодных вдовствах.

Я слушала, затаив дыхание.

— Первым её мужем стал пожилой фабрикант, — продолжал Стрешнев. — Богатый, одинокий, годившийся ей в отцы. Прожили они в браке меньше года. Старик скоропостижно скончался — врачи определили сердечный приступ. Камилла, безутешная вдова, унаследовала состояние. Вторым стал банкир — этот протянул и того меньше, восемь месяцев. Диагноз — апоплексический удар. И снова молодая вдова прибрала к рукам капиталы. Третий муж, виноторговец, отошёл в мир иной после полутора лет супружества. На сей раз заговорили об отравлении несвежими устрицами.

— Три мужа, — прошептала я. — Три смерти.

— Три, — кивнул старик. — И каждый раз — внезапная кончина, каждый раз — солидное наследство, и каждый раз — никаких доказательств. Полиция, разумеется, подозревала вдову. Но доказать ничего не могли. Камилла была умна, дьявольски умна. Она травила своих мужей не грубым мышьяком, который легко обнаружить, а редчайшим ядом растительного происхождения. Яд этот добывали из некоего экзотического растения, и обладал он одним коварным свойством: он почти не оставлял следов в организме, а на вкус и запах был неотличим... — Стрешнев сделал многозначительную паузу, — неотличим от горького миндаля.

Меня будто током ударило. Горький миндаль! Та самая нота на самом дне аромата! Тот самый привкус во рту!

— И вот тут, — старик подался вперёд, и глаза его блеснули, — мы подходим к самому интересному. К флакону. Видите ли, Камилла была не только отравительницей. Она была ещё и женщиной с тонким вкусом, ценительницей роскоши и, в частности, парфюмерии. У неё имелся свой личный парфюм — духи, составленные по особому заказу у одного парижского мастера. Тубероза, иланг-иланг, гвоздика, корица... Узнаёте?

Я молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— И вот этот-то флакон, — Стрешнев указал костлявым пальцем на хрусталь, играющий на столе, — она использовала не только по прямому назначению. Поговаривали, что именно в нём, среди благородных эфирных масел, она хранила и свой яд. Гениально, не правда ли? Кто заподозрит флакон духов? Кто станет искать отраву в изысканном парфюме? А ведь горький миндаль яда так удачно прятался за нотами гвоздики и корицы... Камилла подливала несколько капель в бокал вина — и очередной супруг отправлялся к праотцам, не успев даже заподозрить неладное.

Я вспомнила своё видение: тонкие пальцы с перстнями, капающие что-то из флакона в бокал с тёмно-красным вином. Грузный мужчина в шёлковом халате, хватающийся за горло. Всё сходилось. Всё, до последней детали, сходилось с тем, что рассказывал старик. Меня бросило в дрожь.

— А что с ней стало? — выдавила я наконец. — С этой Камиллой?

— О, тут история обрывается самым загадочным образом, — Стрешнев развёл руками. — После смерти третьего мужа полиция взялась за неё всерьёз. Запахло арестом и судом. И Камилла Ланглуа исчезла. Просто растворилась в воздухе вместе со всеми накопленными богатствами. Одни говорили, что она бежала в Америку, другие — что в Россию, благо в те годы через Париж проходило немало нашего эмигрантского люда, и затеряться было нетрудно. Третьи уверяли, что её настигла месть родственников одной из жертв. Так или иначе, ни Камиллы, ни её состояния, ни её знаменитого флакона больше никто не видел. До сегодняшнего дня.

Старик замолчал, и в кабинете повисла тяжёлая тишина. Я смотрела на флакон — красивый, зловещий, хранящий в своих хрустальных гранях память о трёх убийствах, — и не знала, что сказать.

— Ипполит Матвеевич, — решила я наконец, — а вы не поверите, если я расскажу вам, что со мной творится с тех пор, как я открыла этот флакон.

И я рассказала. Всё, без утайки: про обморок, про видения, про чужую память, про лицо женщины в зеркале и про имя «Камилла», всплывшее в моём сознании само собой. Я ждала, что старик поднимет меня на смех или, чего доброго, посоветует обратиться к психиатру. Но Стрешнев слушал серьёзно, не перебивая, лишь изредка кивая.

— Знаете, голубушка, — проговорил он, когда я закончила, — я полвека вожусь со старыми ароматами, и за это время убедился: запах — материя загадочная, до конца не изученная. Он способен на такое, чего наша наука пока объяснить не в силах. Я и сам, бывало, открою иной старинный флакон — и вдруг словно наяву увижу будуар давно умершей красавицы, услышу шорох её платья. Списывал на воображение. Но вы... с вашим-то носом... Кто знает. Может, вам и впрямь дано считывать то, что другим недоступно.

— Но зачем? — почти простонала я. — Зачем мне эта чужая память? Что я должна с ней делать?

— А вот это, — старик пристально посмотрел на меня, — вопрос правильный. Просто так ничего не случается. Если вековая тайна выбрала именно вас своей хранильницей — стало быть, от вас чего-то ждут. Справедливости, быть может. Ведь Камилла Ланглуа так и не понесла наказания. Три загубленные жизни остались неотомщёнными. Три семьи лишились своих кормильцев, и виновница преспокойно ускользнула от правосудия.

Я задумалась. В словах старика был резон. Но как восстановить справедливость спустя сто лет, когда и убийца, и жертвы давно в могиле?

— И ещё одно меня беспокоит, — продолжил Стрешнев, понизив голос. — Вы упомянули господина в чёрном пальто. Того, что торговался с вами, а потом сбежал. Опишите-ка его поподробнее.

Я описала: высокий, худой, бледный, с напряжённым нездоровым лицом и тяжёлым мрачным взглядом.

Старик нахмурился.

— Не нравится мне это, — пробормотал он. — Совсем не нравится. Видите ли, голубушка, об этом флаконе ходят слухи в узких кругах коллекционеров. И есть люди, которые гонятся за ним вовсе не из любви к парфюмерии и не ради восстановления справедливости. А ради совсем других целей. Этот флакон — улика. Вещественное доказательство преступлений столетней давности. Доказательство, способное перевернуть очень многое. И кое-кому, поверьте, крайне невыгодно, чтобы оно всплыло на свет божий.

— Что вы хотите сказать? — насторожилась я.

— Я хочу сказать, — Стрешнев аккуратно завернул флакон обратно в бумагу и протянул мне, — что ваш господин в чёрном пальто едва ли отступился. Он отступил. А это, согласитесь, не одно и то же. Будьте осторожны, Ванда Аркадьевна. Очень осторожны. Храните флакон в надёжном месте и не открывайте его кому попало. А лучше всего — отдайте его на химический анализ. Если в нём и впрямь сохранились следы того редкого яда, это будет уже не видение, не мистика, а твёрдый научный факт. С которым, в случае чего, можно идти куда следует.

Я кивнула, пряча флакон в сумку. Мысль об анализе была здоровой. Но где найти лабораторию, способную распознать редчайший растительный яд столетней давности?

— У меня есть один знакомый химик, — словно прочитав мои мысли, сказал Стрешнев. — Светлая голова, работает в серьёзном институте. Я дам вам его координаты. Скажете, что от меня.

Он нацарапал что-то на листке бумаги и протянул мне. Я поблагодарила старика и поднялась, собираясь уходить. Но у самой двери Стрешнев вдруг окликнул меня:

— И вот ещё что, голубушка. Раз уж эта история выбрала вас — доведите её до конца. Не бросайте на полпути. Запахи, знаете ли, не прощают трусости. Камилла Ланглуа ушла от земного суда. Так пусть же спустя сто лет её настигнет хотя бы суд правды.

Я вышла на улицу, и осенний московский ветер ударил мне в лицо, развеяв застоявшийся музейный аромат стрешневской квартиры. Я стояла на тротуаре, прижимая к себе сумку с флаконом, и в голове моей роился целый вихрь мыслей. Камилла Ланглуа. Три отравленных мужа. Редкий яд с запахом горького миндаля. Загадочное исчезновение. И господин в чёрном пальто, который, по словам старика, вовсе не отступился.

И тут я заметила его.

На другой стороне улицы, у газетного киоска, стоял высокий худой человек в чёрном пальто. Он не смотрел на меня прямо — делал вид, будто разглядывает витрину. Но я кожей чувствовала его внимание, его тяжёлый, мрачный взгляд. Тот самый.

Сердце моё заколотилось. Я крепче прижала сумку и торопливо зашагала к метро, не оглядываясь. А за спиной, я была почти уверена, слышались неспешные, крадущиеся шаги.

Дома меня ждал перепуганный Маркиз и распахнутая настежь форточка, которую я, уходя, точно закрывала.

Глава 4. Внук жертвы

Распахнутая форточка перепугала меня не на шутку. Я застыла на пороге мастерской, прижимая к себе сумку с флаконом, и лихорадочно соображала. Уходя, я точно закрывала окно — в этом я была уверена так же твёрдо, как в том, что у меня есть нос. Привычка, выработанная годами: эфирные масла любят сквозняки не больше, чем простуженная старушка, а потому я всегда тщательно затворяла все окна перед уходом.

— Маркиз! — позвала я дрожащим голосом. — Маркиз, ты где?

Из-под дивана раздалось приглушённое испуганное мяуканье. Кот забился в самый дальний угол и выходить категорически отказывался. А Маркиз, надо сказать, существо до того ленивое и невозмутимое, что напугать его могло разве что светопреставление. Раз он спрятался — значит, в квартире побывал чужой.

Я обвела взглядом мастерскую. На первый взгляд всё было на своих местах: колбы, пробирки, пузырьки с эссенциями стояли там, где и положено. Но опытный глаз — а вернее, опытный нос — подмечает то, чего не видит обычный человек. В воздухе, поверх привычной мешанины моих ароматов, отчётливо витал чужой запах. Мужской. Табак — дешёвые сигареты, не то что благородный табак Стрешнева, — и ещё какой-то одеколон, резкий, навязчивый, с нотами лавра и искусственного мускуса. Дрянной одеколон дрянного человека. Кто-то здесь точно был.

Я бросилась проверять верхнюю полку, где обычно держала флакон, — но он был у меня в сумке, я возила его к Стрешневу. И слава богу! Незванный гость, кем бы он ни был, искал именно флакон, я нутром это чуяла. Перерыл всю мастерскую — вон, на полках кое-где пузырьки сдвинуты, ящики стола задвинуты не до конца — но ушёл ни с чем. Потому что сокровище всё это время путешествовало вместе со мной.

— Господин в чёрном пальто, — пробормотала я, вспоминая мрачную фигуру у газетного киоска. — Не иначе как его рук дело. Пока я была у Стрешнева, он наведалься ко мне домой.

От этой мысли мне стало совсем нехорошо. Значит, неизвестный знал, где я живу. Значит, следил за мной не со вчерашнего дня. Значит, дело принимало совсем уж скверный оборот. Я вытащила телефон, чтобы позвонить в полицию, но рука замерла на полпути. А что я скажу? Что кто-то влез ко мне в квартиру, но ничего не украл? Что охочусь за тайной столетней давности про французскую отравительницу, чей флакон я вижу в видениях? Меня же на смех поднимут. В лучшем случае. В худшем — отправят туда, где выдают пижамы с длинными рукавами.

Я заперла форточку, для надёжности подперев раму старой шваброй, выманила из-под дивана дрожащего Маркиза и, прижав его к груди, уселась на кухне. Кот постепенно успокаивался, начал мурлыкать, а я всё перебирала в голове события последних дней. И чем дольше перебирала, тем тревожнее становилось на душе.

И тут в дверь позвонили.

Я подскочила так, что Маркиз с возмущённым мявом вылетел у меня из рук. Звонок повторился — настойчивый, требовательный. Сердце моё ушло в пятки. Неужели он? Господин в чёрном пальто? Вернулся, чтобы довести дело до конца?

— Кто там? — крикнула я, не двигаясь с места.

— Ванда Аркадьевна? — раздался из-за двери приятный молодой мужской голос. — Простите, что без предупреждения. Меня зовут Артемий. Я по поводу флакона. Это очень важно. Умоляю вас, выслушайте меня.

Флакон. Опять флакон. Я прильнула к дверному глазку. На лестничной площадке стоял молодой мужчина — лет тридцати, не больше, в скромной куртке, с открытым приятным

лицом и встревоженными глазами. Совершенно не похожий на зловещего господина в чёрном пальто. Но кто их разберёт, нынешних злоумышленников? Может, этот ещё опаснее.

— Я вас не знаю, — отрезала я. — И открывать не собираюсь. Уходите, или я вызову полицию.

— Ванда Аркадьевна, прошу вас! — в голосе незнакомца зазвучало отчаяние. — Я не причиню вам вреда, клянусь! Я искал этот флакон полжизни. Это касается моей семьи, моего деда. Камилла Ланглуа... я всё про неё знаю. Я внук одной из её жертв.

Внук жертвы. Я замерла. Это меняло дело. Хотя, конечно, могло быть и хитрой уловкой. Но любопытство, моё извечное любопытство, оказалось сильнее страха. Да и голос у молодого человека был такой искренний, такой измученный, что я, колебавшись, сняла цепочку — оставив, впрочем, дверь на второй замок, приоткрытую лишь на ширину ладони.

— Говорите через щель, — велела я строго. — И без глупостей. У меня тут полный шкаф химикатов, ослеплю в два счёта.

Угроза была пустая — никакими химикатами я ослеплять не умела, — но прозвучала, кажется, внушительно. Артемий поднял руки, показывая, что в них ничего нет.

— Хорошо, хорошо, — закивал он. — Я всё объясню. Только выслушайте до конца, прошу.

И он начал рассказывать. А я слушала, и с каждым его словом картина, которую я собирала по кусочкам, обретала всё более чёткие очертания.

— Мой прадед, — говорил Артемий, — был тем самым третьим мужем Камиллы Ланглуа. Виноторговцем. Только фамилия его была не французская — он был из русских эмигрантов, перебравшихся в Париж после революции. Звали его Аркадий Воронцов. У него было процветающее дело — поставки вин, солидный капитал, особняк. И была дочь от первого брака — моя бабушка, тогда совсем девочка. Когда Аркадий женился на Камилле, бабушке было лет десять. Она с самого начала чувствовала: мачеха — злая, холодная, расчётливая. Дети, знаете ли, тонко чувствуют фальшь.

Я слушала, затаив дыхание, забыв даже о том, что разговариваю с незнакомцем через дверную щель.

— А потом прадед внезапно умер, — продолжал Артемий. — За ужином. Выпил вина и через несколько минут схватился за горло, побагровел и упал замертво. Бабушка видела это своими глазами — ей было тогда одиннадцать. Она на всю жизнь запомнила, как мачеха спокойно поставила бокал, поднялась и подошла к зеркалу. Ни слезинки, ни крика. Только странное удовлетворение на лице.

У меня мурашки побежали по коже. Зеркало. Бокал. Багровое лицо. Всё в точности как в моём видении! Значит, грузный мужчина в шёлковом халате, которого я видела умирающим, — это и был прадед Артемия, виноторговец Аркадий Воронцов.

— А что было дальше? — не выдержала я.

— Дальше Камилла прибрала к рукам всё состояние, — горько усмехнулся Артемий. — По завещанию, которое прадед, по слухам, подписал незадолго до смерти, всё имущество отходило молодой жене. Бабушку, законную наследницу, родную дочь, попросту выставили на улицу с парой чемоданов. Её приютили дальние родственники, тоже эмигранты, небогатые люди. А Камилла, заполучив деньги, вскоре исчезла — как раз, когда полиция начала её всерьёз интересоваться.

— И ваша бабушка ничего не смогла доказать?

— Ничего, — Артемий покачал головой. — Доказательств не было. Отравление редким ядом, который не оставляет следов. Завещание, оформленное по всем правилам. Свидетелей нет — кроме перепуганной одиннадцатилетней девочки, чьим словам никто не придавал значения. Бабушка выросла, вышла замуж, переехала в конце концов обратно в Россию, родила мою маму, потом появился я. И всю жизнь — всю жизнь, понимаете? — она твердила про этот фла-

кон. Говорила, что мачеха держала яд именно в нём, в своих знаменитых духах. Говорила: если бы только найти флакон, доказать, что в нём яд, — можно было бы восстановить справедливость, признать завещание ничтожным, вернуть украденное наследство законным потомкам.

— И вы всё это время искали флакон, — тихо проговорила я.

— Всю сознательную жизнь, — кивнул Артемий, и глаза его блеснули. — Бабушка умерла десять лет назад, так и не дождавшись справедливости. Но я обещал ей у смертного одра, что найду этот проклятый флакон. И я искал. По антикварным лавкам, по аукционам, по коллекционерам всего мира. След его терялся ещё в довоенные годы. И вот наконец — этот аукцион. Я был уверен, что куплю его. У меня были отложены деньги, последние сбережения. Но...

— Но появилась я, — закончила я за него. — И перебила цену.

— Да, — Артемий смущённо опустил глаза. — Понимаете, у меня был жёсткий потолок. Больше определённой суммы я просто не мог себе позволить. А вы всё поднимали и поднимали. И тогда... тогда я растерялся. Понял, что флакон уплывает у меня из рук на последних метрах. Я был в таком отчаянии, что выскочил из зала, чтобы не видеть, как мечту всей жизни покупает посторонний человек. Простите, если напугал вас тогда взглядом. Я не со зла. Просто сердце разрывалось.

Вот оно что! Так это он был тем самым господином в чёрном пальто? Я вгляделась пристальнее. Нет, не сходится. Тот был высокий, худой, мрачный, лет за сорок, с нездоровым бледным лицом. А этот — молодой, открытый, с честными глазами, и пальто на нём не чёрное, а серая куртка.

— Пойдите, — насторожилась я. — А пальто? На аукционе был мужчина в чёрном пальто, высокий, худой, бледный. Это вы?

Артемий нахмурился, припоминая.

— Нет, — медленно произнёс он. — На мне была вот эта самая куртка. А про мужчину в чёрном пальто... да, я, кажется, заметил такого. Он сидел в дальнем углу и тоже торговался за флакон, верно? Я ещё подумал — надо же, как много охотников на эту вещь. Но я его не знаю. Первый раз видел.

Меня прошиб холодный пот. Если Артемий не тот господин в чёрном пальто — значит, за флаконом охотятся как минимум двое. Артемий, внук жертвы, ищущий справедливости. И кто-то ещё — тот самый зловещий тип, что следил за мной от дома Стрешнева и, очевидно, влез ко мне в квартиру в моё отсутствие. Но кому ещё, кроме потомков жертв, мог понадобиться столетний флакон?

И тут меня осенило. Стрешнев же говорил! «Есть люди, которые гонятся за ним ради совсем других целей. Этот флакон — улика, способная перевернуть очень многое. И кое-кому крайне невыгодно, чтобы оно всплыло на свет божий».

— Артемий, — медленно проговорила я, — а скажите-ка. Если наследство вашего прадеда вернут законным потомкам — то есть вам, — то кто-то ведь его лишится? Кто сейчас владеет этими деньгами, этим имуществом?

Молодой человек посмотрел на меня с уважением.

— А вы сообразительны, Ванда Аркадьевна, — сказал он. — В самую точку. После исчезновения Камиллы её состояние — а это, между прочим, капиталы трёх её жертв, целое богатство — со временем перешло к её дальним родственникам. У Камиллы был, кажется, племянник, а у того — свои потомки. Сейчас всем этим наследством, превратившимся за сто лет в весьма солидный капитал, владеет одна семья. Богатая, влиятельная. И если выяснится, что состояние нажито убийствами, что завещание моего прадеда было выбито обманом и ядом, — они потеряют всё. До последней копейки. И вдобавок на их фамильном имени навеки повиснет клеймо.

— Вот вам и господин в чёрном пальто, — пробормотала я. — Или, скорее, тот, кто его нанял.

Теперь всё вставало на свои места. Загадочный незнакомец охотился за флаконом не из любви к парфюмерии и не ради справедливости. Он — или те, на кого он работал, — стремился заполучить улику, чтобы уничтожить её. Чтобы навсегда похоронить тайну Камиллы Ланглуа и сохранить за собой несправедливо нажитое богатство. И ради этого он был готов на всё. В том числе и на взлом моей квартиры. А может, и на кое-что похуже.

Я приняла решение. Откинула второй замок и распахнула дверь.

— Входите, Артемий, — сказала я. — Кажется, нам с вами надо серьёзно поговорить. И, кажется, мы с вами теперь в одной лодке.

Артемий благодарно улыбнулся и шагнул через порог. И в тот же миг я уловила исходящий от него запах — чистый, простой, без всякого одеколона, лишь лёгкая нота свежестиранной рубашки и мятной жвачки. Это был не тот запах, что витал в моей мастерской после взлома. Не табак, не дрянной мускус. Значит, Артемий говорил правду — в квартиру лазил не он.

— Чаю? — предложила я, ведя гостя на кухню. — А заодно я расскажу вам, что случилось со мной, когда я открыла этот флакон. Вы, может, и не поверите. Но вы единственный человек, кроме одного старого чудака, который, кажется, способен меня понять.

Мы сели за стол. Маркиз, оценив гостя своим кошачьим чутьём, вальяжно вспрыгнул ему на колени — а уж коту я доверяла больше, чем себе. И за чашкой крепкого чая я поведала Артемию всё: про обморок, про видение отравления, про лицо женщины в зеркале, про чужую память, поселившуюся во мне. Он слушал, бледнея, и под конец прошептал:

— Бабушка рассказывала точь-в-точь то же самое. Зеркало, бокал, багровое лицо. Вы видели смерть моего прадеда, Ванда Аркадьевна. Его глазами... нет, её глазами. Глазами убийцы.

— Значит, флакон выбрал нас обоих, — тихо сказала я. — Вас — чтобы найти. Меня — чтобы вспомнить. А теперь нам нужно превратить мою память и вашу семейную историю в твёрдое доказательство. Стрешнев дал мне адрес химика. Завтра же едем в лабораторию. Если в флаконе и впрямь сохранился яд — у нас будет улика, против которой не устоит никакой господин в чёрном пальто.

Артемий сжал мою руку. Глаза его были полны слёз и надежды.

А за окном, в сгущающихся сумерках, у соседнего подъезда снова мелькнула высокая худая фигура в чёрном пальто. Я заметила её краем глаза — и поняла, что времени у нас в обрез.

Глава 5. Лаборатория правды

Ночь мы с Артемием провели без сна. Не подумайте, чего дурного — просто сидели на кухне, пили чай ведром и держали совет, как два заговорщика. Маркиз, утомившись от обилия впечатлений, дрых на табурете, изредка подёргивая лапами — должно быть, гонялся во сне за парижскими мышами. А мы караулили окно. Высокая фигура в чёрном пальто больше не показывалась, но легче от этого не становилось. Уж лучше видеть врага, чем гадать, откуда он нанесёт удар.

— Главное — флакон, — твердил Артемий, нервно барабанил пальцами по столу. — Пока он у нас, у нас есть козырь. Но как только этот тип поймёт, что силой его не отнять, он пойдёт на крайности.

— Значит, нужно действовать на опережение, — отрезала я с решимостью, которой сама от себя не ожидала. — Завтра, едва откроется лаборатория, мы везём флакон химику. Адрес у меня есть. Превратим нашу мистику в науку. С бумажкой от института наперевес уже никакой господин в пальто не страшен.

На рассвете, едва небо посерело, мы выскользнули из квартиры. Я предусмотрительно завернула флакон в три слоя бумаги, упрятала в старую продуктовую сумку и для отвода глаз сунула сверху батон и пачку творога — мол, бабка с рынка идёт, какие тут улики. Артемий шагал рядом, поминутно оглядываясь. На улице было пусто и зябко, дворники гоняли метлами палую листву, и нигде — ни у киоска, ни у подъезда — не маячила зловещая фигура. Но я кожей чувствовала: за нами следят. Профессиональный нос не обманешь — где-то поблизости тянуло тем самым дрянным одеколоном с лавром и искусственным мускусом.

— Не оглядывайся, — шепнула я Артемию. — Идём спокойно, как будто в булочную. И в метро — в последний вагон, в последнюю секунду перед закрытием дверей.

Старый трюк, виденный в кино, сработал безотказно. Мы вскочили в вагон, когда двери уже сходились, и я успела заметить на платформе того самого худого типа в чёрном — он метнулся было следом, но опоздал, ткнулся носом в закрытые створки и остался стоять, бессильно сжимая кулаки. Поезд тронулся, и его бледное перекошенное лицо уплыло во тьму тоннеля.

— Оторвались! — выдохнул Артемий. — Ванда Аркадьевна, да вы прирождённая шпионка!

— Папа недаром звал меня ищейкой, — усмехнулась я, хотя сердце колотилось как бешеное.

Институт, адрес которого нацарапал мне Стрешнев, оказался серым казённым зданием на окраине. Знакомый химик — Лев Борисович Кадкин, кругленький лысоватый человечек в очках с толстенными линзами — встретил нас в захламлённой лаборатории, заставленной приборами, о назначении которых я не имела ни малейшего понятия. Услышав имя Стрешнева, он оживился:

— Ипполит? Старый сухарь ещё жив? Ну надо же! Чем могу служить наследникам его парфюмерных причуд?

Я молча выставила на стол флакон. Кадкин надел перчатки, осторожно извлёк пробку, поднёс горлышко к носу — и поморщился.

— Любопытно, — пробормотал он. — Очень любопытно. Цветочная база, спору нет. Но вот этот горьковатый оттенок... миндаль? Нет, не миндаль. Что-то другое. Что-то, чему здесь быть не должно. Оставляйте. Анализ займёт несколько часов. Газовая хроматография, масс-спектрометрия — словом, не забивайте голову. К вечеру будет результат.

Эти несколько часов показались мне вечностью. Мы с Артемием бродили по окрестным улицам, пили скверный кофе в забегаловке, и он рассказывал мне про бабушку — про то, как она, состарившись, всё перебирала пожелтевшие фотографии отца, как плакала, что не

дожила до справедливости. А я рассказывала про свои видения, которые, как ни странно, со вчерашнего вечера почти прекратились — будто чужая память, поняв, что её наконец услышали, успокоилась.

К вечеру мы вернулись в лабораторию. Кадкин встретил нас без обычной своей насмешливости — лицо его было серьёзным, даже хмурым.

— Садитесь, — сказал он, снимая очки. — То, что я нашёл, друзья мои, не укладывается ни в какие рамки. В этом флаконе, помимо вполне обычных для двадцатых годов эфирных масел, присутствует растительный алкалоид. Редчайший. Я таких всего пару раз в жизни встречал, и то в специальной литературе. Яд. Сильнейший. Добывается из одного экзотического тропического растения. Действует молниеносно, парализует дыхание, а по запаху и вкусу почти неотличим от горького миндаля. И самое страшное — в организме практически не оставляет следов. Идеальное орудие убийства. Кто бы ни составлял эту адскую смесь, он был настоящим виртуозом. И законченным злодеем.

Мы с Артемием переглянулись. Вот оно. Не видение, не мистика, не разыгранное воображение полоумной парфюмерши. Твёрдый, неопровержимый научный факт. Камилла Ланглуа держала яд в своих духах. И этот яд сохранился спустя сто лет.

— Лев Борисович, — голос мой дрогнул, — а вы могли бы оформить это официально? Заключение, с печатями, с подписями? Чтобы было документом?

— Разумеется, — кивнул Кадкин. — Дело-то, чувствую, нешуточное. Завтра подготовлю по всей форме. Только вот что, голубушка: берегите этот флакон пуще глаза. Раз в нём такое, за ним наверняка кто-то охотится. И этот кто-то шутить не станет.

Как в воду глядел старый химик. Едва мы вышли из института в сгустившиеся сумерки, как из-за угла нам навстречу шагнул он. Господин в чёрном пальто. Бледный, худой, со змеиной улыбкой на тонких губах.

— Добрый вечер, — произнёс он вкрадчиво. — Полагаю, маленькую вещицу вы носите с собой? Будьте благоразумны. Отдайте флакон по-хорошему — и мы расстанемся друзьями. Заплачу втрое против того, что вы выложили на аукционе.

— А если не отдам? — храбро спросила я, хотя коленки у меня тряслись.

Улыбка незнакомца стала шире и страшнее.

— Тогда расстанемся по-плохому, — сказал он. — Я представляю интересы людей, которые не привыкли к отказам. Этот флакон — фамильное недоразумение, которое давно следовало устранить. И я его устраню. Так или иначе.

Артемиий заслонил меня собой.

— Вы работаете на наследников Камиллы, — сказал он твёрдо. — На тех, кто сидит на крови моего прадеда. Так вот: поздно. Анализ уже сделан. Заключение оформляется. Даже если вы отнимете флакон, факт никуда не денется. Он зафиксирован. У независимых экспертов. С копиями.

Лицо незнакомца дрогнуло. Он явно не ожидал такого поворота. На мгновение в его глазах мелькнула растерянность — и я поняла, что наша взяла. Блефовать он умел, но и мы оказались не лыком шиты.

— И ещё, — добавила я, доставая телефон, — я только что, пока мы тут мило беседуем, отправила фотографию заключения и вашу — вы уж простите, сняла исподтишка — нужным людям. Если с нами что-то случится, эти материалы немедленно окажутся где следует. Так что подумайте, любезный, стоит ли игра свеч.

Это был чистейший блеф — никаких фотографий я не отправляла, да и снять его не успела. Но прозвучало, видать, убедительно. Господин в чёрном пальто побледнел ещё сильнее, процедил сквозь зубы что-то невнятное, развернулся на каблуках и быстрым шагом растворился в темноте. Больше я его никогда не видела.

— Ванда Аркадьевна, — выдохнул Артемий, утирая со лба пот, — вы просто чудо. Откуда у вас такая выдержка?

— От страха, — честно призналась я. — Когда очень страшно, голова работает на удивление ясно.

Дальнейшее закрутилось, как в хорошем кино. На следующий день мы с заключением Кадкина и со всей семейной историей Артемия отправились к толковому адвокату. Тот, изучив бумаги, присвистнул и заявил, что дело хоть и старое, столетней давности, но небезнадёжное. Завещание, составленное под действием яда, под принуждением, может быть оспорено. А научное доказательство того, что в личном флаконе Камиллы Ланглуа хранился смертельный яд, плюс свидетельства, бережно собранные тремя поколениями семьи Воронцовых, — это, по словам адвоката, «бомба».

Тяжба тянулась почти год. Я была главным свидетелем — рассказывала, разумеется, не про мистические видения (кто бы мне поверил в суде?), а про то, как купила флакон, как отдала на анализ, как обнаружился яд. Артемий выложил архивы: бабушкины дневники, старые письма, фотографии, документы о собственности прадеда. Наследники Камиллы, та самая богатая и влиятельная семья, сопротивлялись отчаянно, нанимали дорогих юристов, пытались оспорить и заключение, и подлинность флакона. Но против науки не попрёшь. Газовая хроматография — штука упрямая.

И справедливость, спустя без малого сто лет, восторжествовала. Суд признал, что состояние было нажито преступным путём, а завещание Аркадия Воронцова — недействительным. Значительная часть капитала вернулась к законному наследнику — к Артемию. Тень Камиллы Ланглуа, дьявольски умной отравительницы, ускользнувшей от земного правосудия, была наконец достигнута судом правды, как и предрекал старый Стрешнев.

Артемий, получив наследство, повёл себя как настоящий благородный человек. Первым делом он примчался ко мне с роскошным букетом и конвертом.

— Ванда Аркадьевна, без вас ничего бы не было, — сказал он, протягивая конверт. — Это ваша доля. По справедливости.

Я хотела было отказаться — не ради денег ведь старалась. Но Артемий был непреклонен, а сумма оказалась такой, что отказываться было бы уже не скромностью, а глупостью.

На эти деньги я и осуществила мечту всей жизни. Закрыла свой тесный полуподвал и открыла в центре Москвы настоящий парфюмерный бутик — светлый, просторный, с витринами, в которых играли хрусталём флаконы моих собственных ароматов. Назвала я его «Память аромата» — в честь той истории, что перевернула мою жизнь. Ведь именно память, заключённая в запахе, привела меня к разгадке вековой тайны.

Бутик быстро прославился. Ко мне потянулись ценители — те, кто понимал, что аромат — это не просто приятный запах, а целая история, эмоция, воспоминание. Я создавала духи по индивидуальным заказам, угадывая по человеку, что ему нужно, как когда-то угадывала спрятанную в шкафу конфету. Стрешнев, ставший моим добрым другом и частым гостем, говорил, что у меня дар, и что грех такой дар зарывать в землю.

Артемий заходил ко мне почти каждую неделю — то просто поболтать за чашкой чая, то посоветоваться о делах. А Маркиз, царственно возлежавший на бархатной подушке у кассы, признал в нём своего и встречал благосклонным мурлыканьем. Что между нами было — дружба или нечто большее, — об этом я, пожалуй, умолчу. Дама моих лет имеет право на маленькие тайны.

А знаменитый флакон Камиллы Ланглуа я после суда передала в музей — пусть стоит под стеклом, и пусть люди знают его страшную историю. Иногда я прихожу туда, останавливаюсь перед витриной и смотрю на хрустальные грани, играющие в музейном свете. Видения больше никогда не возвращались. Чужая память, отомщённая и упокоенная, оставила меня в покое.

Но один-единственный раз, в день открытия бутика, я составила особенный аромат. Тубероза, иланг-иланг, гвоздика, корица — точь-в-точь как у Камиллы. Только вместо горькой ноты яда я добавила на самое доньшко каплю свежести и света — ноту прощения и справедливости. Этот аромат я не пускаю в продажу. Он мой личный. В память о девочке, потерявшей отца, о женщине, всю жизнь искавшей правды, и о хрустальном флаконе, который однажды летним утром на пыльном аукционе выбрал меня, чтобы рассказать свою историю.

Папа был прав. Из меня всё-таки вышла неплохая ищейка. Только шла я по следу не преступника, а запаха. И этот след привёл меня к правде.

Кулон с двойным дном

Глава 1. Подарок от пациента

Меня зовут Бронислава Курзенкова, и работаю я стоматологом-гигиенистом в небольшой, но вполне приличной клинике в центре Москвы. Должность, прямо скажем, не самая героическая — я не вырываю зубы, не ставлю коронки и не лечу страшные флюсы. Я чищу. Снимаю налёт, полирую эмаль, обучаю взрослых людей правильно держать зубную щётку, что, поверьте мне, задача порой не из лёгких. Бывает, сидит передо мной солидный мужчина, директор завода или там профессор, а орудует щёткой так, будто красит забор. Но я не жалуюсь. Работа спокойная, чистая, люди ко мне идут охотно — а всё потому, что руки у меня лёгкие и характер общительный. С пациентом я и поговорю, и пошучу, и про погоду, и про политику, и про невестку соседкину. За час, что человек проводит в моём кресле, я успеваю выведать у него всю подноготную, причём он сам и не замечает, как выкладывает мне свои секреты. Покойная бабушка говорила, что мне бы в разведку идти, а не в зубные феи. Но судьба распорядилась иначе.

Жила я одна — если не считать кота Барсика, существа толстого, рыжего и наглого до невозможности. Замужем побывать успела, но недолго: муж оказался любителем погулять на стороне, и я, недолго думая, указала ему на дверь. С тех пор вот уже семь лет наслаждаюсь одиночеством, которое, надо сказать, мне очень даже по душе. Никто не разбрасывает носки, никто не храпит, никто не учит меня жить. Красота.

Среди моих пациентов был один особенно мне симпатичный старичок — Эраст Поликарпович Лиственный. Пожилой ювелир, лет под восемьдесят, но бодрый, подтянутый, с тонкими аристократическими чертами лица и удивительно живыми, молодыми глазами. Ходил он ко мне регулярно, раз в полгода, на профилактическую чистку, и каждый его визит превращался для меня в маленький праздник. Эраст Поликарпович был кладезем историй. Он рассказывал про старинные украшения, прошедшие через его руки, про знаменитых клиентов, про камни, у каждого из которых, по его словам, была своя душа и своя судьба. Я слушала, разинув рот, забывая порой про полировочную пасту.

— Бронислава, голубушка, — говорил он своим мягким, чуть надтреснутым голосом, — украшение — это ведь не просто железка с камушком. Это память. Это любовь, застывшая в металле. Иное колечко больше расскажет о человеке, чем толстенный том воспоминаний.

В тот октябрьский день Эраст Поликарпович пришёл на приём какой-то странный. Обычно весёлый и словоохотливый, он был задумчив, рассеян, то и дело умолкал на полуслове и поглядывал на дверь, будто кого-то опасался. Я, конечно, заметила перемену — от меня вообще мало что укрывается, — но расспрашивать постеснялась. Мало ли, может, давление скачет или с родственниками поссорился. У стариков, знаете ли, поводов для печали хватает.

Закончив чистку, я, как обычно, подала ему стаканчик воды для полоскания и принялась заполнять карту. И тут Эраст Поликарпович вдруг произнёс:

— Бронислава, голубушка, у меня к вам просьба. Не сочтите за дерзость.

— Слушаю вас, Эраст Поликарпович, — отозвалась я, отрываясь от бумаг.

Старик порылся во внутреннем кармане пиджака и извлёк маленький бархатный мешочек, потёртый, явно очень старый. Он развязал шнурок, и на его ладонь скользнул кулон. Я ахнула. Это была изумительная вещица — серебряный медальон в форме сердца, тонкой, искусной работы, покрытый затейливым растительным узором, с крошечным голубоватым камешком в центре. От него веяло стариной, благородством, какой-то затаённой грустью.

— Возьмите, — сказал Эраст Поликарпович, протягивая мне кулон. — Это вам. В благодарность.

— Что вы, что вы! — замахала я руками. — Я не могу принять такую дорогую вещь! Это же явно антиквариат, ему цены нет!

— Можете и примете, — мягко, но твёрдо настоял старик. — Вы, голубушка, скрасили мне последние годы своими чистками и беседами. Я ведь одинок, как перст. Поговорить толком не с кем. А с вами — душа отдыхает. Так что не обижайте старика отказом. Этому кулону нужна добрая хозяйка. И, поверьте, лучшей хозяйки, чем вы, мне не сыскать.

Что-то в его тоне меня насторожило. Слишком уж торжественно, слишком уж окончательно он это произнёс — будто прощался. Я хотела было возразить, но Эраст Поликарпович уже поднялся, бережно сжал мою руку в своих сухих, тёплых ладонях и заглянул мне в глаза с какой-то странной, почти умоляющей серьёзностью.

— Берегите его, Бронислава, — сказал он тихо. — Очень берегите. В нём... в нём заключено больше, чем кажется. Гораздо больше. Если со мной что-то случится — а в моём возрасте всякое случается, — вспомните мои слова.

— Эраст Поликарпович, голубчик, да что с вами стрясётся? — попыталась я отшутиться, хотя по спине пробежал неприятный холодок. — Вы ещё меня переживёте, вон какой бодрый!

Старик грустно улыбнулся, ничего не ответил, надел шляпу и вышел. А я осталась стоять с кулоном в руке, провожая взглядом его сутулую спину, и на душе у меня было отчего-то тревожно. Я подошла к окну и увидела, как Эраст Поликарпович вышел из клиники, остановился на тротуаре, опасливо огляделся по сторонам — и быстро, почти бегом для его лет, засеменил прочь. А чуть поодаль, от стены соседнего дома, отделилась мужская фигура и неспешно двинулась следом. Я не разглядела лица — только то, что человек был высок и одет в тёмную куртку. «Показалось, — сказала я себе. — Мало ли прохожих». Но тревога не отпускала.

Весь оставшийся рабочий день кулон пролежал у меня в кармане халата, и я то и дело трогала его пальцами, ощущая прохладную гладкость серебра. Вещица была явно непростая. И слова старика — «в нём заключено больше, чем кажется» — не шли у меня из головы.

Вечером, вернувшись домой, я первым делом покормила орущего благим матом Барсика, а потом устроилась на диване, чтобы как следует рассмотреть подарок. Я включила настольную лампу, надела очки и принялась изучать медальон. Серебро потемнело от времени, узор был тонок и изящен — переплетение листьев и цветов, среди которых притаились крошечные буквы. Я пригляделась. Латиница. «В.» — и завитушка, не то вензель, не то ещё одна буква. Камешек в центре оказался, как я теперь разглядела, голубоватым топазом, а может, и акварином — в камнях я не сильна.

Медальон, судя по форме, должен был открываться — у таких вещиц обычно внутри хранят портреты или локоны любимых. Я попробовала поддеть крышечку ногтем, но та не поддавалась. Видно, замочек заело за давностью лет. Я повозилась минут десять, боясь повредить тонкую работу, но так и не сумела открыть. Махнула рукой, повесила кулон на цепочку, которую отыскала в своей шкатулке, и убрала на тумбочку у кровати. «Завтра отнесу в мастерскую, пусть почистят и починят замочек», — решила я.

Ночью мне приснился странный сон. Будто стою я в незнакомой комнате, заставленной старинной мебелью, а напротив — молодая красивая женщина в платье старомодного покроя. Она печально смотрит на меня и что-то говорит, беззвучно шевеля губами, и тянет ко мне руку. А на шее у неё — тот самый медальон. Я силюсь разобрать слова, наклоняюсь ближе — и вдруг женщина исчезает, а вместо неё передо мной возникает лицо Эраста Поликарповича, искажённое страхом. «Беги, Беатриса! — кричит он. — Беги, спасайся!» И тут я проснулась.

Сердце колотилось как бешеное. В комнате было темно и тихо, лишь Барсик сопел в ногах да за окном шумел ветер. Я перевела дух, успокаивая себя, что это всего лишь сон, навеянный странным поведением старика. И вдруг услышала тихий, отчётливый щелчок.

Я замерла. Звук шёл с тумбочки. Дрожащей рукой я нащупала выключатель лампы и зажгла свет. Кулон лежал на тумбочке там, где я его оставила. Но крышечка медальона, которую я весь вечер безуспешно пыталась открыть, теперь была распахнута настежь! Сама собой. Без всякого моего участия.

Я похолодела. Это что же такое делается? Мистика какая-то! Я осторожно, двумя пальцами, взяла медальон и поднесла к свету. Внутри, в одной половинке, и впрямь обнаружился крошечный пожелтевший портрет — миниатюра, изображавшая ту самую молодую женщину из моего сна! Те же печальные глаза, та же причёска. У меня по коже побежали мурашки. А во второй половинке... во второй половинке что-то блеснуло.

Я наклонила медальон над ладонью и легонько встряхнула. И мне на руку выпал крошечный, не больше спичечной головки толщиной, ключик. Старинный, бронзовый, с затейливой фигурной бородкой и тонкой дырочкой на конце — видно, чтобы продевать на цепочку или шнурок. Я уставилась на него в полнейшем изумлении. Ключик! В медальоне был спрятан ключик!

Вот, значит, о чём говорил Эраст Поликарпович! Вот что он имел в виду, когда сказал, что в кулоне заключено больше, чем кажется! Он не про сентиментальную ценность говорил, не про память — он про этот самый ключик! Старый ювелир спрятал в подаренном мне медальоне ключ. От чего? И почему отдал его именно мне, едва знакомой, в сущности, женщине? Почему так таинственно, почему с такой тревогой, почему прощался, будто навсегда?

Я сидела на кровати, разглядывая ключик на ладони, и в голове моей роился целый рой вопросов. А ещё мне вспомнилась та тёмная фигура, что кралась за стариком от клиники. И его испуганный шёпот: «Если со мной что-то случится...» Господи, неужели Эрасту Поликарповичу и впрямь грозит опасность? Неужели он, чувствуя беду, доверил мне какую-то важную тайну?

Спать я больше не могла. Заварила крепкого чаю, села на кухне и принялась размышлять. Барсик, недовольный ночным переполохом, забрался ко мне на колени и заурчал. А я всё вертела в пальцах загадочный ключик и медальон с портретом печальной красавицы.

Кто такая эта женщина на миниатюре? Та, что приснилась мне и которую старик во сне назвал Беатрисой? Странное, нерусское имя. И буквы на медальоне — «В». Беатриса? И от какого замка этот ключик? Слишком маленький для двери, слишком велик для шкатулки. Может, от сейфа? От тайника? От банковской ячейки?

Чем больше я думала, тем сильнее убеждалась: с моим милым старичком-ювелиром творится что-то неладное. Доброе моё сердце не находило покоя. Эраст Поликарпович был так одинок, так напуган, и он доверился именно мне. Бросить его в беду я не могла — не такой я человек.

«Завтра же, прямо с утра, позвоню ему, — решила я. — В карточке есть его телефон и адрес. Узнаю, как он, всё ли в порядке. А заодно и расспрошу про этот ключик и про Беатрису».

Приняв решение, я немного успокоилась. Убрала ключик обратно в медальон, защёлкнула крышечку — теперь она закрывалась легко, будто и не заедала вовсе, — и повесила кулон на шею, под ночную рубашку, поближе к сердцу. Раз уж старик просил беречь — буду беречь как зеницу ока.

Остаток ночи я проворочалась без сна, прислушиваясь к каждому шороху. Мне всё мерещилась тёмная фигура под окнами, крадущиеся шаги, чей-то взгляд. Я уж и сама посмеивалась над своими страхами — вот, мол, начиталась детективов, разыгралось воображение. Но тревога, поселившаяся в груди с того момента, как Эраст Поликарпович вручил мне свой странный подарок, не отпускала.

Едва за окном забрезжил серый рассвет, я поднялась, наскоро выпила кофе и принялась нетерпеливо поглядывать на часы, дожидаясь, когда наступит приличное время для звонка.

В восемь утра, не выдержав, я набрала номер Эраста Поликарповича, переписанный из медицинской карты.

Длинные гудки. Один, второй, третий, десятый. Никто не брал трубку. Я подождала, перезвонила ещё раз. И ещё. Тишина. Только бесконечные, тоскливые гудки, от которых у меня всё сильнее сжималось сердце.

Я положила трубку и подошла к окну. Москва просыпалась, во дворе сновали спешащие на работу люди, дворник скрёб асфальт. Всё было обыденно и спокойно. Но я уже знала, чувствовала всем своим существом — случилось что-то страшное. Недаром старик прощался. Недаром доверил мне ключ.

Я сжала медальон сквозь ткань рубашки. «Беги, Беатриса, спасайся», — звенел у меня в ушах голос из ночного сна. Кто эта Беатриса? Что за тайна скрыта в старом серебряном сердечке? И где, ради всего святого, сейчас находится милый, добрый Эраст Поликарпович?

Я решительно отставила недопитый кофе. Сидеть сложа руки и ждать у моря погоды было не в моём характере. Раз старик не отвечает на звонки — поеду к нему домой. Адрес у меня есть. А там — будь что будет. Бабушка не зря пророчила мне карьеру в разведке. Похоже, пришла пора применить мои таланты на деле.

Я и не подозревала тогда, что этот маленький бронзовый ключик откроет дверь не только в банковскую ячейку, но и в чужую, давно минувшую жизнь, полную любви, предательства и тайн.

Глава 2. Пациент исчез

До работы в то утро я добралась как в тумане. В голове крутились обрывки сна, лицо печальной красавицы, испуганный шёпот старика и этот загадочный ключик, который я, не решившись оставить дома, повесила на шею вместе с медальоном. Я отработала первого пациента — солидного дядьку с табачным налётом на зубах, — почти не слушая его рассказов про дачу и тещу, чем, кажется, его даже обидела. Обычно-то я живо поддерживаю беседу, а тут отвечала невпопад, всё думала про Эраста Поликарповича.

В обеденный перерыв я не выдержала. Отпросилась у заведующей, сославшись на срочное семейное дело, переоделась и помчалась по адресу, который ещё с утра переписала из медицинской карты. Жил Эраст Поликарпович, как выяснилось, не так уж далеко — в старом сталинском доме на тихой улочке, в двух остановках от клиники. Я доехала на троллейбусе, отыскивала нужный подъезд и поднялась на четвёртый этаж, всю дорогу убеждая себя, что напрасно паникую. Сейчас, мол, откроет дверь бодрый старичок в домашнем халате, удивится моему визиту, напоит чаем с вареньем, и мы вместе посмеёмся над моими страхами.

Но дверь мне никто не открыл.

Я звонила, стучала, снова звонила — тишина. И вот тут-то я заметила первое, что заставило сердце ухнуть в пятки: дверь была не заперта. Притворена, но не заперта — стоило мне посильнее надавить, как она тихонько, со зловещим скрипом, приотворилась.

— Эраст Поликарпович! — позвала я в темноту прихожей. — Это Бронислава, ваш гигиенист! Вы дома?

Молчание. Лишь где-то тикали ходики да капала вода из крана. Поколебавшись секунду — а вдруг старику плохо, вдруг лежит без сознания и помощи ждёт? — я переступила порог.

В квартире царил жуткий беспорядок. Не тот милый стариковский кавардак, что бывает у одиноких пожилых людей, а явные следы поспешных, лихорадочных сборов. Дверцы шкафа в прихожей распахнуты, на полу валялась одежда — будто кто-то впопыхах выхватывал вещи и часть растерял. В комнате — а квартирка была небольшая, двухкомнатная — картина была та же. Выдвинутые ящики комода, разбросанные бумаги, опрокинутый стул. Я осторожно прошла дальше, стараясь ни к чему не прикасаться, как учат в детективных сериалах.

На столе в гостиной стоял стакан в подстаканнике — старинном, серебряном, с вензелями. В стакане плескался недопитый чай, уже совсем холодный, на поверхности образовалась мутноватая плёночка. Рядом — блюдо с надкусанным сухариком. Похоже, человека оторвали от чаепития внезапно, заставили всё бросить и бежать. Или... или его увели силой?

Я обвела взглядом комнату и заметила на столе ещё кое-что. Раскрытый фотоальбом — старый, в бархатном переплёте, с потускневшими золотыми уголками. Я наклонилась над ним, не смея прикоснуться, и обомлела. С пожелтевших страниц на меня смотрела она. Та самая женщина. Печальная красавица из медальона, из моего сна. Только здесь её было много — на разных снимках, в разном возрасте. Вот совсем юная, в светлом платье, смеётся, запрокинув голову. Вот постарше, серьёзная, в строгом костюме. Вот на берегу моря, ветер треплет волосы, а рядом — молодой статный мужчина, в котором я не сразу, но узнала Эраста Поликарповича. Боже, каким красавцем он был в молодости!

Под одной из фотографий была подпись, сделанная выцветшими чернилами, тонким, изящным почерком: «Юрмала, лето. Самые счастливые дни». Юрмала. Я запомнила это слово. А под фотографией, где они стояли вдвоём у моря, виднелось имя — «Беатриса». То самое имя, что выкрикивал старик в моём сне!

Сердце моё колотилось так, что, казалось, выскочит из груди. Я выпрямилась и снова огляделась. Картина складывалась тревожная. Старик был чем-то — или кем-то — сильно напуган. Накануне он отдал мне медальон с ключом, прощаясь, будто навсегда. За ним кто-то

следил — та тёмная фигура у клиники. А теперь его квартира перевёрнута вверх дном, чай не допит, а сам Эраст Поликарпович исчез.

Я уже совсем было собралась звонить в полицию, как вдруг услышала за спиной шорох. Я обернулась — и в дверях гостиной увидела мужчину. Высокого, плотного, лет сорока пяти, с неприятным мясистым лицом и маленькими, глубоко посаженными глазками, которые шныряли по комнате, как два юрких таракана. Одет он был в тёмную куртку. У меня внутри всё похолодело. Уж не та ли это фигура, что кралась за стариком?

— А вы, собственно, кто такая? — недружелюбно процедил он, оглядывая меня с головы до ног. — И что вы делаете в квартире моего дяди?

Дяди! Значит, это родственник Эраста Поликарповича. Я постаралась взять себя в руки и ответить как можно спокойнее, хотя коленки у меня предательски дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.